

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.А. Крюков, В.Е. Селиверстов

**ЭКОНОМИКА СИБИРИ:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СИНЕРГИИ
ПРИРОДНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА,
СВЯЗНОСТИ ПРОСТРАНСТВА И ИНТЕРЕСОВ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ**

Рабочие материалы в рамках крупного научного проекта
«Социально-экономическое развитие Азиатской России
на основе синергии транспортной доступности,
системных знаний о природно-ресурсном потенциале,
расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий»

Препринт

Новосибирск
2022

УДК 338:9
ББК 65.9(2Р5)30-4
К 856

К 856 **Крюков В.А., Селиверстов В.Е.** Экономика Сибири: трудный путь к синергии природного и человеческого потенциала, связности пространства и интересов федерального центра и регионов – Новосибирск: Издательство ИЭОПП СО РАН, 2022. – 124 с.

В работе рассмотрены проблемы Сибири и ее позиционирование в российском и мировом экономическом пространстве с учетом возможностей, вызовов и угроз XXI века. Исследованы движущие силы и направления развития этого региона в историческом, экономическом, геополитическом и географических аспектах. Сформулированы предложения к социально-экономической и региональной политике Российской Федерации, а также к политике в области недропользования, которые должны способствовать решению основных проблемных вопросов развития Сибири.

УДК 338:9
ББК 65.9(2Р5)30-4

© ИЭОПП СО РАН, 2022 г.
© Крюков В.А., Селиверстов В.Е., 2022 г..

ЭКОНОМИКА СИБИРИ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СИНЕРГИИ ПРИРОДНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, СВЯЗНОСТИ ПРОСТРАНСТВА И ИНТЕРЕСОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ

1. Вместо введения. Сибирь как объект исследования в отечественной и зарубежной литературе

Сибирь, ее экономика и социум, недра и пространства, природа и культура в настоящее время все больше входят в орбиту исследований и дискуссий российских и зарубежных ученых, политиков, экспертов, представителей бизнес-сообщества. Несмотря на то что Сибирь всегда была символом и национальным брендом Российского государства, его внимание к этой территории и населявшим ее людям было далеко не однозначным.

Неоднозначным было и восприятие Сибири в научной среде: у отечественных и зарубежных экономистов, историков, географов, политологов и демографов. Высказывались полярные суждения о ее значимости в системе российских и мирохозяйственных связей, об эффективности экономики, о движущих силах, потенциале и перспективах развития. В результате вокруг Сибири сложилось много устойчивых мифов и стереотипов, которые были отчасти верны применительно к конкретным историческим и экономическим условиям, но никак не соответствуют современным реалиям и возможным перспективным направлениям развития («Сибирь – сырьевая колония мира и европейской России»; «Сибирь – мост между Западом и Востоком Евразии»; «Сырьевое сибирское проклятье» и др.).

Следует сказать, что в мировой библиографии присутствует немного крупных монографических исследований, в которых комплексно и многогранно описана Сибирь в единстве ее геополитических и геостратегических, социально-экономических и природно-географических, ресурсных и этнонациональных, научно-технологических и культурных, демографических и природоохранных факторов и условий. Основные публикации касаются отдельных вопросов истории развития Сибири, ее экономики и природы, конкретных секторов экономики и регионов, демо-

графии и социальной сферы, транспортного освоения, развития коренных народов Севера и Сибири.

Первый научный труд по истории Сибири был составлен еще в XVIII веке историографом Российского государства Г.Ф. Миллером. Итогом его исследований стала пятитомная «История Сибири», изданная в СССР в 2-х томах (Миллер, 1937–1941).

Изучение Сибири как объекта комплексных исследований существенно активизировалось в конце XIX – начале XX века, когда она стала привлекать внимание ученых, работающих в разных областях науки. Исследования А.Л. Чекановского, В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана и других позволили накопить бесценную информацию о природных ресурсах этой обширнейшей территории. Оригинальный взгляд на Сибирь с позиций федерализма, регионализма и выявления собственных региональных интересов был изложен в трудах видных деятелей сибирского областничества – С.С. Шашкова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева (Ядринцев, 1892) (обзор истории и концепций сибирского областничества см. в (Шиловский, 1989)). Дореволюционный период был отмечен совершенно замечательными научными разработками и книгами по проблемам пространственного развития России и Сибири (Семенов-Тянь-Шанский, 1915; Вейнберг, 1915). Подчеркнем, что в тот период под ее территорией понимались все пространства современной азиатской России, включая Дальний Восток.

Концептуальные положения стратегических направлений развития Сибири с первых лет существования советского государства в значительной степени опирались не столько на труды предшественников, сколько на потребности экономики и обороны нового Советского государства. В это время закладывался фундамент разработки комплексных планов и прогнозов развития Сибири, основанных на идее крупномасштабного использования ее сырьевой базы. Эти работы выполняли не только ученые-одиночки (экономисты, географы, геологи), но и научные коллективы, сконцентрированные в университетах и институтах Российской Академии наук. Значительный вклад в это внесла советская школа экономической географии, в частности, такие ученые, как Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский (Колосовский, 1932), А.Е. Пробст, Я.Г. Фейгин и др.

Лидирующую роль здесь выполняла Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) при Российской

академии наук, созданная еще в 1915 г. Эта Комиссия являлась инициатором, координатором и основным разработчиком документов, касающихся тенденций и возможных перспектив развития российских регионов и, в частности, Сибири. Принципиально важным результатом работы КЕПС явилась организация комплексных экспедиций, в ходе которых накапливалась важная информация о развитии регионов России. Для этих работ приглашались также зарубежные ученые.

Сибирь традиционно привлекала внимание зарубежных исследователей и экспертов как своим ресурсным потенциалом, так и в качестве опыта освоения огромной территории с целью вовлечения данных ресурсов в национальную и международную экономику. С этим связано значительное число работ, посвященных советскому опыту размещения производительных сил и, в частности, освоению Сибири (Shabad, 1977; Whiting, 1981; Soviet..., 1983). Нами совместно с Л.В. Мельниковой выделены два основных направления анализа экономики Сибири, которые доминируют в настоящее время в зарубежной литературе (Мельникова, Селиверстов, 2008).

Во-первых, исследуются возможности Сибири гарантировать бесперебойные поставки топлива Российской Федерацией (Мельникова, Селиверстов, 2008; Dienes, 2004; Buszynski, 2006; Considine, 2002). Эти вопросы изучаются с точки зрения национальной безопасности стран-потребителей энергоресурсов, которая в данном контексте формулируется как «энергетическая безопасность» в условиях растущего «ресурсного национализма» стран-производителей топлива.

Во-вторых, экономическая система Сибири привлекает внимание при изучении пространственной структуры народного хозяйства России и тех ее изменений, которые происходили в процессе перехода к рыночной экономике (см. (Bradshaw, Vartapetov, 2003; Thompson, 2004))¹. Безусловно, «взрыв внимания» к про-

¹ Базовой в таком анализе является концепция «мисаллокации» ресурсов, т.е. неправильного с рыночной точки зрения размещения производства и населения, которое считается, прежде всего, унаследованным от советской системы централизованного планирования, а в современных условиях – проявлением «ресурсного проклятья» российской экономики. Соответственно, изменения, происходящие в пространственной структуре экономики, сложившейся к началу 1990-х годов в значительной степени в результате программного подхода к развитию восточных регионов, трактуются как коррекция унаследованных искажений.

блемам прошлого и настоящего Сибири вызвала публикация американских ученых и аналитиков Ф. Хилл и К. Гэдди «Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold» – «Сибирское проклятье. Как коммунистические плановики заморозили Россию» (Hill, Gaddy, 2003). В 2007 г. она была издана в России с названием «Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России» (Хилл, Гэдди, 2007).

Говоря о *комплексных исследованиях* проблем и перспектив развития Сибири, отметим, что в основном – это отечественные разработки, отраженные в крупных монографиях. Бóльшая их часть – это труды ученых Сибирского отделения Российской Академии наук и, в первую очередь, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Здесь выдающуюся роль сыграли ученые-экономисты и географы старшего поколения – профессора М.К. Бандман, Б.П. Орлов, Р.И. Шнипер, В.А. Кротов, В.Э. Попов, обладавшие блестящими знаниями в области истории и современности развития Сибири, проблем развития ее конкретных регионов и отраслей. В советский период их трудами были заложены основы научной сибирской школы комплексного исследования и прогнозирования социально-экономического развития Сибири, которые в дальнейшем были развиты академиками А.Г. Аганбегяном, А.Г. Гранбергом, Т.И. Заславской, В.В. Кулешовым и их творческими коллективами¹.

Результаты этих научных исследований, экспедиций, полевых работ и практических разработок нашли отражение в комплексных монографиях советского периода. Так, одним из крупных доперестроечных обобщений научных трудов коллектива института по сибирской проблематике стала монография «Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе» (Сибирь..., 1980). В ней обосновывалась рациональная структура производства региона, приводились концептуальные положения развития производительных сил на востоке страны, рассматривались важнейшие отраслевые, межотраслевые и региональные проблемы Сибири (в частности – социальные).

Распад СССР и формирование новой экономической и политической системы страны на постсоветском пространстве безусловно

¹ Анализ этих исследований, монографий и разработок содержится в наших публикациях (Селиверстов, 2013; Крюков, 2018).

сказались на научной оценке роли Сибири в новой российской экономической системе. Это переосмысление проблем, перспектив и движущих сил развития макрорегиона нашло отражение в следующих монографиях ИЭОПП СО РАН: «Сибирь на пороге нового тысячелетия», отв. ред. В.В. Кулешов (Сибирь..., 1998); «Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири» под ред. В.В. Алексеева, М.К. Бандмана, В.В. Кулешова (Проблемные..., 2002); «Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации» под ред. А.Э. Конторовича, В.В. Кулешова, В.И. Сулова (Экономика..., 2009); Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири, отв. ред. В.В. Кулешов (Формирование..., 2010). Особую значимость в этом цикле исследований имеет изданная в 2008 г. фундаментальная монография «Сибирь в первые десятилетия XXI века» (Сибирь..., 2008), переведенная и изданная позже в Китае.

Конечно, ИЭОПП СО РАН не был монополистом комплексных исследований по сибирской проблематике. Интересные разработки и публикации осуществлялись как в столичных научных центрах и университетах, так и в других институтах Сибирского отделения РАН. Здесь особый интерес представляют блестящие исследования Института истории СО РАН под руководством чл.-корр. РАН В.А. Ламина, нашедшие отражения в трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири» (Историческая..., 2009) и в десятках монографий, посвященных исторической и историко-экономической панораме развития Сибири с древнейших времен до настоящего времени.

На фоне отмеченных исследований и публикаций возникла необходимость в новом комплексном взгляде на проблемы и позиционирование Сибири в российском и мировом экономическом пространстве с учетом возможностей, вызовов и угроз XXI века. Цель данной работы – представить позицию авторов по этим вопросам. Заранее оговоримся, что её содержание не следует рассматривать как новую концепцию или идеологию развития Сибири. Но фрагменты этой публикации могут стать элементами мозаики «сибирского пазла», который в конечном итоге может сложиться в целостную картину развития макрорегиона в условиях глобальных вызовов, угроз и возможностей XXI века. Все это в совокупности должно обозначить пути достижения «сибирской

гармонии»: в отношениях федерального Центра и сибирских регионов; в триаде «власть – бизнес – общество»; в непротиворечии экономики, социальной сферы и экологии на территории Сибири; во взаимодействии трех векторов ее развития – межрегионального, внутрирегионального и трансграничного.

2. Сибирь: от континентального и ресурсного проклятья к гармонии интересов власти, бизнеса и населения

2.1. Движущие силы и особенности развития Сибири в историческом, экономическом, геополитическом и географическом аспектах

Понять суть современных и перспективных проблем социально-экономического развития Сибири можно только через призму формирования политического и экономического пространства данного макрорегиона в историческом, геополитическом и географическом аспектах и с учетом тех внешних вызовов и угроз, на фоне которых эти процессы происходили. Сибирь, крупнейшая территория планеты, ее экономика и социум последовательно проходили фазы покорения, освоения и развития. При этом фазы и этапы завоевания сибирских земель сочетались с фазами их освоения, а последние – с этапами социально-экономического развития.

Но, так или иначе, формирование Сибири как неотъемлемой части Российского государства, начиная с первого сибирского похода Ермака Тимофеевича в 1581–1585 гг., осуществлялось в рамках непрерывного процесса развития России как великой евразийской державы. Говоря о России как о стране, которая колонизируется, С.М. Соловьев писал: «Государство при расширении владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации...» (Соловьев, 1959).

Этапы колонизации – освоения Большой Сибири в монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизованной динамике, XVI–XX века: историческая литература» (Азиатская..., 2004) были обозначены следующим образом:

1 этап. Конец XI – середина XVI века – эпизодическое присутствие на территории Урала и Севере Сибири.

2 этап. Вторая половина XVI века – основание поселений за Уралом (на его восточном склоне).

3 этап. Конец XVI века – начало XVIII века – крестьянская и правительственная колонизация обширных территорий и обложение данью народов Сибири.

4 этап. 1720–1780 гг. – укрепление позиций на Дальнем Востоке.

5 этап. Конец XVIII века – первая половина XIX века – начало активного заселения торговых путей (вдоль Московско-Сибирского тракта).

6 этап. Вторая половина XIX века – 1917 г. – резкое возрастание роли государства на Востоке Российской империи; активная переселенческая политика (в 1906–1914 гг. в Азиатскую Россию было переселено 3,772 млн чел.).

И классики прошлого, и современники отлично понимали, что *колонизация не равнозначна колониальной политике*, и это особенно четко проявлялось при освоении Сибири. Как это ни парадоксально, но напрашивается вывод, что активная колонизация востока России на основе расширения ее пространства за счет новых территорий Сибири в отмеченные шесть этапов в целом не сопровождалась колониальной политикой в отношении новых земель (хотя в отдельные периоды это проявлялось, например, обложением данью коренных народов или же введением различного рода фискальных ограничений против Сибири для экономической защиты земледелия западных территорий России). Более активно элементы «антисибирской колониальной политики» в России стали распространяться начиная со второй половины XIX века и усиливаться в СССР и в постсоветский период в Российской Федерации.

Вообще термин «колониальная политика» исторически применяется при описании межстрановых взаимодействий (особенно метрополий с подчиненными им колониями и с независимыми доминионами). Колониальная политика – это синоним политики порабощения и эксплуатации в таких отношениях на основе мер военного, политического и экономического принуждения. Что же касается использования термина «колониальная политика» в отношениях «центр – периферия» конкретного государства, то это, скорее, броский журналистский прием описания неэффективных взаимодействий государства с его отдельными территориями (как правило – окраинными), что чаще всего выражается в неэквивалентной эксплуатации ресурсов таких территорий и, в конечном счете, их населения. В таких отношениях отсутствуют меры во-

енного или полицейского принуждения, но они реализуются средствами экономической, национальной, региональной и социальной политики государства.

С таких позиций отметим, что в первые четыре века освоения Сибири формирование сибирского пространства происходило в рамках процесса колонизации страны и укрепления ее военно-политических и экономических позиций на континенте. Движущей силой такого развития в первой сибирской колонизации было стремление защитить земли Московской Руси от набегов и дани Сибирского ханства, инструментом – походы казаков, основывающих остроги с гарнизонами, которые позже превращались в поселения. Эти поселения постепенно насыщались служивыми людьми, промысловиками, духовенством, купцами; образовывались местные администрации. Доминантой этого периода были не экономические, а военно-политические интересы России, которые определяли все тенденции расширяющегося сибирского пространства.

Тем не менее, экономические мотивы в начальном периоде освоения Сибири также учитывались. Проникновение русских в Сибирь в XVI веке мотивировалось стремлением к более прочному освоению новых промысловых областей. Основным валютным товаром была пушнина (в 1660-е годы – свыше 145 тыс. шкурок соболей). Говоря современным языком, основой ранней экономики Сибири были «баррели меха». По этой же причине русские пришли и в Северную Америку. Но начиная с XVIII века все большее внимание привлекают полезные ископаемые Сибири (железо, медь, серебро, золото), расположенные на Алтае, в Забайкалье и Приамурье.

Удаленность Сибири от основных рынков сбыта продукции ее добывающей и перерабатывающей промышленности определила и выбор товаров, предлагаемых для межрегионального обмена. Основной характеристикой стала повышенная удельная ценность единицы веса (для межрегионального обмена предлагались товары с повышенной добавленной стоимостью). Поэтому не случайно, что Сибирь в первую очередь стала в межрегиональном обмене ориентироваться на такие товары, как пушнина, золото и сливочное масло. В значительной степени повышенные стоимостные характеристики сибирских товаров были обусловлены проявлением естественных условий – плодородие залежных земель, наличие залежей редких металлов и руд, состояние лесов

и охотничьих угодий. С экономической точки зрения повышенная эффективность производства данных товаров была обусловлена возможностью получения значительной по абсолютным и относительным размерам экономической ренты.

Если основой экономического развития Сибири (как Западной, так и Восточной) в дореволюционный период служили ее уникальные природные ресурсы, то основным фактором являлся приток населения, особенно в период столыпинских реформ. Роль притока капиталов и технологий была существенно ниже.

Интенсивное экономическое развитие Сибири в Российской империи началось со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. До Иркутска она была построена в 1898 г., а до Тихого океана – в 1900 г. Первоначальные решения по строительству железной дороги основывались на геополитических и стратегических оценках и приоритетах. С их учетом разрабатывались и принимались инженерно-технические решения (пропускная способность дороги, характеристики мостов и инженерных сооружений и т.д.). Бурное экономическое развитие уже с самого начала эксплуатации железной дороги заставило пересмотреть многие из первоначальных инженерных решений с целью обеспечения увеличения грузопотока.

Экономическое значение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали состояло не только в том, что она открыла сибирским товарам наиболее эффективный и удобный путь на другие региональные рынки (так же как и путь товарам с данных рынков в Сибирь), но и в том, что железная дорога послужила материальной основой для последующего формирования институциональной структуры, присущей рыночной экономике.

Как представляется, все экономические проблемы развития Сибири (как Западной, так и Восточной) в начале XX века можно разделить на две группы:

- 1) внутренние – вызванные ростом товарного хозяйства и формированием в регионе новой многоукладной экономики;
- 2) внешние – обусловленные экономической политикой правительства и связанные с экономическими интересами ведущих промышленно-финансовых и аграрно-промышленных групп в метрополии.

Экономической роли Сибири до конца XIX века не придавалось сколь-нибудь определенного значения. Современники отмечали: «В былое время Сибирь была страной фактической налого-

вой свободы. В Сибирь бежали из центральных губерний все те, чья спина сгибалась под тяжестью непомерных налогов, поборов и своеволия фискальных чинов. Теперь Сибирь охвачена кольцом фискальных агентов...» (Боголепов, 1908). По мере роста населения Сибири, а также развития хозяйственной деятельности правительство начинает вводить и усиливать фискальное давление (как и в любой другой губернии), не принимая во внимание необходимость поощрения развития предпринимательской деятельности на данной слабоосвоенной территории (очень похожая ситуация с точки зрения современных условий).

Более того, царское правительство не только не вводит стимулирующий режим налогообложения, но напротив, устанавливает дополнительные протекционистские барьеры по отношению к вывозу сибирского хлеба на рынок центральной России и за ее пределы. Поэтому в центре экономических дискуссий тех лет оказались вопросы, связанные с формированием относительных цен и тарифов, а также условий налогообложения. Видный деятель сибирского областничества Г.Н. Потанин со своими единомышленниками, рассматривая связи «Большой Сибири» по линии «метрополия – колонии», предлагал:

- отменить Челябинский тарифный перелом¹;
- ввести «порто-франко» в устьях Оби, Енисея и Амура;
- развивать торговое судоходство по Северному морскому пути;
- активно развивать прямые внешнеэкономические связи (в т.ч. привлекать иностранный капитал).

В своем знаменитом труде «Сибирь как колония», опубликованном в 1892 г., Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1892) выделил следующие черты колониальной политики Российской империи по отношению к Сибири:

- колониальная эксплуатация региона со стороны правительства и капитала Европейской России, искусственное торможение развития в Сибири обрабатывающих отраслей;

¹ Исключительный железнодорожный тариф, установленный правительством Российской империи в 1896–1913 гг. на провоз зерна и муки из Сибири на запад страны через Челябинск, был введен для защиты интересов центральных сельскохозяйственных районов России, которые не могли конкурировать с дешёвым сибирским зерном.

– создание и сохранение неэквивалентного обмена между европейской частью страны и Сибирью.

В конечном счете предложения Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева сводились к расширению финансовой автономии территорий Сибири.

Удивительно современно звучат следующие слова, сказанные еще в 1906 г. «"Бедная, богатая Сибирь" – так хочется сказать про обширную окраину, когда вникнешь в сущность ее государственно-финансовых отношений... Думается, что при современных условиях нельзя говорить о том, что "колония" истощает "центр" – нужно говорить о том, что вся страна истощается одной и той же финансовой политикой, направленной во вред реальным народным интересам, не считающейся с народными желаниями и с народными нуждами» (Головачев, 1906).

Подводя итоги обзору проблем экономического развития Сибири в период до 1917 г., отметим следующее:

– основным триггером и катализатором экономического развития Сибири стала реализация первого межрегионального мегапроекта – *сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали*, где главным действующим лицом было государство;

– повышение транспортной доступности Сибири послужило толчком к интенсивному развитию рыночного хозяйства, а также создало материальные предпосылки для формирования адекватной новым экономическим связям и отношениям организационной структуры в экономике региона;

– сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали было осуществлено за счет внешних финансовых и материальных ресурсов – экономика Сибири была не в состоянии обеспечить реализацию подобного проекта;

– развитие экономики Сибири, несмотря на наличие целого ряда сравнительных преимуществ (по отношению к другим регионам Российской империи), сдерживалось целым комплексом причин внутреннего и внешнего характера;

– для экономических взаимоотношений Сибири и метрополии был характерен неэквивалентный обмен, присущий отношениям метрополии с сырьевыми колониями.

В целом, основные тенденции пространственного развития, которые достались в наследство советской России, можно описать следующим образом:

– *концентрация* – усиление роли крупнейших мегаполисов (прежде всего, Москвы и Санкт-Петербурга). На долю десяти крупнейших по объему экономики регионов в 1919 г. приходилось 37,5% суммарного ВРП России (по оценке ИНП РАН);

– *неравенство* (при тенденции к росту) регионов не только по уровню развития экономики, но и по уровню жизни и доходов населения; устойчивая межрегиональная миграция населения с Востока на Запад и с Севера на Юг; обезлюдение обширных территорий как в Центре, так и на Севере и Востоке;

– *проблемы инфраструктурного обеспечения и эффективной транспортной доступности* значительной территории страны (что затрудняет не только мобильность рабочей силы, но также ведет к фрагментации ее экономического пространства).

После 1920 г. экономическое развитие Сибири начинает осуществляться в рамках принципиально иной экономической системы, где рыночные сигналы (прежде всего соотношения цен на различные виды товаров) стали играть все меньшую и убывающую роль. Приоритеты во всех областях экономического развития во все большей степени начинают определяться исходя из целевых установок политических органов и из технологической реализуемости тех или иных решений. Был осуществлен переход от экономики спроса к экономике предложения – рыночные сигналы сначала ослабевают, а затем и затухают вовсе.

Начинается формирование той материально-технологической основы и схемы размещения производительных сил Сибири (включая схему расселения – строительство новых городов и населенных пунктов), которые априори были основаны на нерыночных приоритетах и принципах формирования относительных цен и тарифов (что решающим образом влияет на результаты оценки экономической эффективности).

Интенсивный рост экономики Сибири начиная с 1930-х годов осуществлялся в рамках ускоренной индустриализации СССР. При этом принципиальными экономическими особенностями реализованной индустриальной модели стали:

– ориентация на освоение и использование уникальных источников природных и прочих минерально-сырьевых ресурсов (элиминирование за счет этого действия «фактора пространства»);

– формирование специализированных технологических систем, ориентированных на централизованное управление и реализацию фактора «экономии на масштабе».

Первым уникальным мегапроектом развития Сибири в новых экономических условиях стал *Урало-Кузнецкий комбинат (УКК)*. В результате на протяжении более чем 30 лет (примерно до середины 1950-х годов) юго-восточная часть Западной Сибири становится основным районом индустриальных преобразований для Сибири в целом. При разработке проекта УКК и его последующей реализации были впервые в полной мере использованы методы комплексного регионального планирования: «...теперь мы применяем широкий плановый охват целых экономических районов, увязывая проектировку отдельных предприятий. Вперед – переход на производственное технологическое комбинирование хозяйства целых районов...» (Колосовский, 1932, с. 7). Проект УКК стал системообразующим для экономики всей Западной Сибири – за ним последовал приток населения, развитие транспортной и социальной инфраструктуры (рост городов), развитие других секторов экономики.

Переброска важнейших промышленных предприятий из западных районов страны на Восток *в военные годы* способствовала дальнейшему усилению промышленной специализации городов Сибири, расположенных вдоль Транссиба (что опять же подтверждает ранее высказанный тезис о превалировании неэкономических критериев размещения производительных сил Сибири). За годы войны объем промышленного производства в Западной Сибири увеличился почти в 3 раза, а в Восточной – в 1,5 раза. Рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии.

«Холодная» война 1950-х – начала 1960-х годов привела к новому витку производства продукции военно-технического назначения. В этот период в Сибири не только получает дальнейшее развитие выпуск традиционных изделий ОПК (танки, самолеты и т.д.), но и создаются крупнейшие предприятия «ядерно-топливной» подотрасли, такие как Новосибирский завод химических концентратов, Сибирский химический комбинат (г. Томск), Железногорский горно-химический комбинат (Красноярский край) и др.

Безусловный приоритет получают проекты и предприятия, ориентированные на решение общесоюзных задач по выпуску той или иной промышленной продукции. Развитие других произ-

водств и выпуск прочих изделий осуществляется в той мере, в какой эти проекты обеспечивают достижение приоритетных задач. Необходимость развития внутрисибирской кооперации (о рынке в это период речь уже не шла) учитывалась при этом в очень малой степени.

Тем не менее, финансово-экономические результаты деятельности предприятий и производственных комплексов Сибири играли колоссальную роль. Если на первых порах, в 1920-е – первой половине 1930-х годов, необходимые финансовые ресурсы «черпались» из сельского хозяйства, то затем источниками становятся созданные производственно-технологические комплексы Западной и Восточной Сибири. В планово-распределительной экономике формируется и развивается весьма сложная и многоканальная система изъятия и распределения экономической ренты, получаемой от освоения, разработки и переработки лучших по качеству и условиям размещения природных ресурсов. На первых этапах преобладающими «материальными носителями» экономической ренты, изымаемой из Сибири, являлись уголь и металл Кузбасса. В дальнейшем, начиная с середины 1960-х годов, данная роль перешла к нефти и природному газу, электроэнергии и цветным металлам.

Долговременные тенденции индустриального развития Тюменской области под воздействием функционирования *Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК)* привели к формированию отраслевой структуры Сибири, значительно гипертрофированной в сторону добывающих отраслей топливно-энергетической специализации. Сложившаяся в Тюменской области к середине 1980-х годов структура промышленного производства без каких-либо заметных изменений сохраняется и по настоящее время. Интенсивное освоение нефтегазовых ресурсов, ориентированное на удовлетворение сначала внутренних потребностей СССР, а затем и выполнение внешнеэкономических обязательств, характеризовалось интенсивной выработкой лучших по качеству и местоположению запасов минерально-сырьевых ресурсов.

В этот период происходит «возврат» экономики Сибири к выполнению той роли, которую она играла в экономике Российской империи. Постулат общенародной собственности на все производственные и непроизводственные активы послужил основанием для концентрации всех финансовых потоков (в том числе, опо-

средующих процессы изъятия и распределения экономической ренты от освоения и разработки минерально-сырьевых ресурсов Сибири) на уровне союзного Центра. Все крупнейшие промышленные проекты развития Сибири во второй половине XX века (ЗСНГК, каскад крупнейших в мире ГЭС в Восточной Сибири и создание комплекса энергоемких производств на их основе) также отвечали этим целям. Даже такой масштабный транспортный проект, как строительство Байкало-Амурской магистрали, преследовал цель не столько формирования новой зоны промышленного освоения Востока России, сколько строительства рокадной железной дороги, параллельной Транссибу в интересах национальной безопасности страны и в условиях напряженных отношений с Китаем в те годы.

Распад СССР не привел к существенному изменению в движущих силах развития Сибири. Они по-прежнему основывались исключительно на доминировании национальных геополитических, оборонных и экономических интересов при очень слабых попытках учета потребностей сибирских территорий и их населения. Отличие от периода индустриализации и послевоенного прорыва в развитии производительных сил Сибири заключалось в том, что ослабевшая в годы политических и экономических реформ 1990-х годов постсоветская Россия уже не имела финансовых и ресурсных возможностей для реализации новых крупных проектов освоения Сибири. В таких условиях следовало бы ожидать, что частный бизнес возьмет на себя это бремя.

Однако крупные компании в составе финансово-промышленных групп при «вхождении» в экономическое пространство Сибири стали вести собственную (часто глобального масштаба) политику в отношении централизации финансовых потоков и регионального размещения капиталовложений. В новых условиях они формально не были обязаны реинвестировать свой доход ни в России, ни в регионе осуществления хозяйственной деятельности. Все налоги от деятельности они стали платить не по месту эксплуатации природных ресурсов (в Сибири), а по месту регистрации своих головных офисов (в столице). Российское правительство поощряло такую систему экономических взаимодействий в новом налоговом кодексе. И это стало, пожалуй, самой яркой характеристикой постсоветской колониальной политики центра в отношении Сибири.

В современных условиях крупные компании стали определять развитие целых регионов Сибири. Они не только выступают основными инвесторами проектов, но и активно участвуют в формировании органов власти и управления сибирских субъектов Федерации (финансируют выборы, контролируют рынок СМИ, продвигают своих представителей на выборные государственные должности и т.п.). Таким образом, сырьевая и экспортная ориентация специализации Сибири стали закрепляться и организационно, и политически.

Отмеченные тенденции не способствовали формированию имиджа Сибири как прогрессивного макрорегиона страны, применяющего в своем развитии современные технологические тренды и обеспечивающего жителям достойные условия жизни и реализации человеческого потенциала. И поэтому не случайно, что спустя 100 с лишним лет ученые и аналитики снова стали говорить о Сибири, как о колонии (Суслов, 2014; Суслов, 2018; Имиджи..., 2008; Сибирь..., 2012; Макрорегион..., 2013).

Подводя итог анализу генезиса движущих сил освоения и развития Сибири в разные исторические периоды, сформулируем основные выводы.

1. Во все периоды главным драйвером развития Сибири были национальные цели и задачи (расширение геополитического пространства страны путем движения на Восток; оборона и национальная безопасность, в том числе на восточных рубежах государства; создание ресурсной базы отечественной промышленности; наполнение государственного бюджета; ядерная и космическая программа страны и т.д.). Интересы сибирских регионов и их населения во всех этих процессах практически не учитывались.

2. Ускоренная индустриализация Сибири, с одной стороны, основывалась на реализации комплексного подхода к освоению новых районов путем комбинирования и технологического взаимодополнения ресурсов, отраслей и территорий. В этих целях советская наука осуществила блестящие научные обоснования и проектировки, не имевшие в тот период аналогов в мире (проекты формирования и развития Урало-Кузнецкого комбината, ЗСНГК, зоны хозяйственного освоения БАМ, территориально-производственных комплексов Восточной Сибири и др.).

С другой стороны, реальная практика хозяйствования при практической реализации этих проектов сосредотачивалась в основном на достижении экономических показателей в ущерб соци-

альным и экологическим. Осуществлялась «сверхиндустриализация любым путем» и без учета ее последствий. Не принималось во внимание, что сибирская природа (в первую очередь в северных широтах) особо ранима и не прощает ошибок; их последствия ощущаются и спустя десятки лет – ряд локальных территорий Сибири характеризуются сейчас как зоны «экологического бедствия». Например, в ареале закрытого Усолье-Сибирского химического комбината накопились опасные для Ангары и прилегающих регионов нефтеотходы и разливы ртути, заставившие говорить о новом «Сибирском Чернобыле». Аналогична ситуация с закрытым Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом, угрозавшим уникальному объекту природного наследия мировой значимости – озеру Байкал. Сейчас государство осуществляет многомиллиардные вложения на ликвидацию этих экологических катастроф, доставшихся ему в «наследство» как цена гипериндустриализации Сибири без учета экологических требований.

3. В СССР элементы колониальной политики по отношению к Сибири осуществлялись самим государством (и во имя провозглашенных стратегически важных государственных целей). В постсоветской России (особенно в XXI веке) такая колониальная политика стала реализовываться не только государством, но и крупным частным бизнесом в лице транснациональных и вертикально-интегрированных компаний, эксплуатирующих сибирские ресурсы в своих узкокорпоративных интересах. И с этих позиций можно констатировать, что для Сибири эта колониальная политика становится уже неподъемной. Как писал О. Генри, «Боливар не выдержит двоих».

4. Современная Сибирь все больше развивается и будет развиваться как макрегион, экономика которого основана на межрегиональных перетоках знаний и умений. Возрастает не столько значение новых технологий, сколько форм соединения их с интеллектуально-емкой сервисной деятельностью производственного характера. Немаловажную роль будет играть пространство и природная среда как место жизни и деятельности человека. Поэтому важнейшей задачей триады «власть – бизнес – общество» является институционализация этих новых возможностей развития Сибири в условиях глобальных вызовов и угроз XXI века, с отказом от рудиментов колониальной политики в отношении Сибири с соблюдением паритетных условий «Сибирь для страны – страна для Сибири».

2.2. Краткий синопсис позиционирования Сибири в российском экономическом пространстве и проблемных вопросов ее развития¹

Современное позиционирование Сибири в целом (и Сибирского федерального округа в частности) в российском экономическом пространстве никоим образом не соответствует богатейшему ресурсному, интеллектуальному и научно-технологическому потенциалу этого макрорегиона. Уже длительное время накапливались следующие проблемные вопросы ее развития.

1. Сокращение позиций Сибирского федерального округа в национальной экономике. Отсутствие прогресса в решении проблемы отставания в уровне и качестве жизни сибиряков.

В постсоветский период Сибирский федеральный округ (СФО) постепенно снижал свою долю в важнейших показателях развития страны (табл. 1). Так, если в 1995 г. доля округа (в современных границах) в валовом региональном продукте Российской Федерации составляла 13,7%, то к 2019 г. она сократилась до 9,7%. Еще более значительным было усиление отставания СФО по производству валового регионального продукта на душу населения: с 107,3% по отношению к среднему по РФ в 1995 г. до 82,8% в 2019 г. Сократилась доля округа в общероссийских инвестициях в основной капитал (с 11,5% до 9,6%), в доходах консолидированных бюджетов Российской Федерации (с 12,8% до 10,3% за указанный период). На фоне продолжающихся тенденций деиндустриализации производства в ряде регионов Сибири не произошло перелома в более ускоренном росте перерабатывающих отраслей промышленности.

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в уровне диверсификации экономики Сибирского федерального округа за счет развития отраслей услуг, в последние годы продолжалась деградация отраслевой структуры промышленности. В результате доля обрабатывающих производств в валовой продукции промышленности округа (в объеме отгруженных товаров промышленности) сократилась с 78,5% в 1995 г. до 58,3% в 2019 г. В 2020 г. она увеличилась до 61,5% как следствие сокращения добычи нефти в рамках сделки ОПЕК+.

¹ В данном разделе использованы фрагменты нашей статьи (Крюков и др., 2020(а)).

Таблица 1

**Доля Сибирского федерального округа
в основных показателях РФи 1995–2020 гг., %**

Показатель	1995	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Население	12,57	12,05	11,98	11,97	11,95	11,89	11,86	11,83
Валовый региональный продукт	13,73	10,17	9,74	9,62	9,74	9,86	9,74	н.д.
Занятость	12,80	11,38	11,29	11,14	11,11	11,14	11,13	11,21
Инвестиции в основной капитал	11,51	9,86	9,18	9,05	8,95	9,02	9,76	9,56
Конечное потребление	12,93	9,77	9,18	9,08	8,98	8,97	9,07	н.д.
Доходы консолидированных бюджетов	12,84	10,87	9,74	9,98	10,03	10,21	10,19	10,32

Источник: Статистические сборники Росстата «Регионы России». – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Примечание: Для сопоставимости все расчеты даны без учета Крыма; Сибирский федеральный округ (СФО) – в современных границах, без Республики Бурятия и Забайкальского края.

Но наибольшую озабоченность вызывает ситуация в социальной сфере. Доля макрорегиона в общероссийском объеме конечного потребления домохозяйств снизилась с 12,9% в 1995 г. до 9,0% в 2019 г.; уровень среднегодовых денежных доходов населения по отношению к среднему по стране сократился с 83,2% в 2005 г. до 77,8% в 2020 г.; увеличивалось отставание по показателям розничного товарооборота на душу населения. Не произошло существенного улучшения в обеспечении сибиряков жильем, коммунальными услугами, основными продуктами питания (по сравнению с общероссийским уровнем). Обеспеченность жильем в СФО хотя и незначительно (примерно на 5%), но отстает от российского показателя; но что касается благоустройства жилья, то здесь по основным индикаторам отставание заметно больше.

В целом оказались невыполненными многие показатели, заложенные в утвержденной в 2010 г. Стратегии социально-экономического развития Сибири (Об утверждении..., 2014) (в том числе – реализация утвержденных инвестиционных проектов). Округ перешел на траекторию чистой потери населения (отрицательное сальдо миграции в 2018 г. составило 29 тыс. чел., в 2019 г. – 11,9 тыс. чел., в 2020 г. – 24,5 тыс. чел.). Это явилось следствием как продолжающегося отставания сибирских регионов по показателям качества и уровня жизни по сравнению с европейскими регионами страны, так и из-за снижения в них спроса на рабочую силу. В целом доля населения, проживающего на территории Сибирского федерального округа в современных границах в численности населения страны сократилась с 12,6% в 1995 г. до 11,8% в 2020 г. при продолжающейся тенденции положительного сальдо международной миграции населения на территорию округа. И это – главный негативный результат развития регионов Сибири за последнюю четверть века.

Отставание в уровнях социально-экономического развития Сибири и Сибирского федерального округа и продолжающееся доминирование их сырьевой ориентации становятся особенно заметны на фоне существенного роста экономического потенциала граничащих с Россией на востоке северных и северо-восточных территорий Китая (КНР..., 2015).

Безусловно, отмеченные процессы неравномерно происходили в разных субъектах Федерации, входящих в состав СФО. В ряде регионов (например, в Новосибирской и Томской областях), происходили позитивные изменения, приводящие к сокращению отставания в развитии и эффективности производства, в уровне жизни, в развитии высокотехнологичных производств. Следует также отметить, что в последние годы (т.е. в период стагнации российской экономики), динамика производства в Сибирском федеральном округе была несколько более благоприятна, чем в целом по стране. Но это было не столько результатом наметившихся позитивных тенденций в росте производства, сколько объяснялось более провальной динамикой развития регионов европейской части России. К положительным тенденциям последнего десятилетия следует отнести тот факт, что с 2013 г. производительность труда в СФО стала характеризоваться устойчивой по-

зитивной динамикой по отношению к российскому показателю, причем это происходило на фоне относительно меньших инвестиционных издержек.

2. Недостаточное внимание к проблемам Сибири в основных программных документах развития страны, в пространственной политике Российской Федерации и в реализации «восточного вектора» развития России.

В силу особых условий своего развития (огромные территории с колоссальными ресурсами и сложными природно-климатическими условиями, удаленные от экономических и культурных центров страны), значительная часть отмеченных выше проблем экономики и социальной сферы Сибири не может быть решена только за счет внутренних источников и усилий местных властей и сибирского бизнеса. Как и в других крупных странах мира, развитие подобных территорий базируется на сильной государственной поддержке, реализованной в особых формах государственной пространственной, структурной, инвестиционной и социальной политики.

Однако в последние десятилетия существования СССР и в постсоветский период подобное внимание государства к проблемам Сибири как важнейшему макрорегиону мировой и национальной значимости существенно ослабло. Об этом свидетельствует анализ основных программных стратегических документов Российской Федерации последних лет – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (Стратегии–2020), Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. и др. Так, в последней регионы Сибири никак не обозначены – ни в проблемах, ни в национальных приоритетах, ни в целях (Seliverstov et al., 2019). Таким образом, пока в Российской Федерации государственная политика пространственного развития в недостаточной степени учитывает интересы Сибири.

Другой проблемой является неэффективное использование значительного потенциала интеграционных взаимодействий на восточных рубежах России и слабая вовлеченность Сибири в эти процессы.

3. Продолжение тенденций дефрагментации экономического пространства Сибири и отсутствие заделов по качественному усилению его «связности».

В постсоветский период Сибирь начала терять свою целостность в политическом, географическом и экономическом смыслах, что ослабило возможность управления развитием этого макрорегиона на основе взаимодополнения и синергии ресурсного и производственного потенциала субъектов Федерации, расположенных на этой территории.

Начало этих процессов было положено реорганизацией и последующей приватизацией производственно-технологических комплексов, которые складывались и развивались в экономике Сибири. Частный бизнес не был ориентирован на укрепление интеграционных межотраслевых и межрегиональных взаимодействий. Это нашло отражение в практически полной ликвидации специализированного машиностроения, ориентированного на реализацию проектов с учетом специфики Сибири, прекращении (или катастрофическом уменьшении) выпуска продукции более высоких переделов (в химии, нефтехимии, лесохимии, металлургии).

Логическим продолжением стало формирование федеральных округов, когда традиционные сибирские территории – Тюменская область и входящие в ее состав автономные округа – были отнесены к Уральскому федеральному округу.

4. Отсутствие прорыва в развитии высококонкурентных и высокотехнологичных сегментов экономики Сибири; слабое использование в них возможностей сибирской науки.

Как отмечают эксперты, один из главных минусов предшествующего периода был связан именно с недостатком комплексности развития экономики Сибири. Вследствие этого более доходными стали виды деятельности, связанные с реализацией продукции первичных переделов, а ориентация на внешний рынок привела к примитивизации производственно-технологических цепочек и уменьшению спроса на отечественную науку. Результатом стало отсутствие прорыва в развитии высококонкурентных и высокотехнологичных сегментов экономики Сибири с продолжающимся укреплением ее сырьевой ориентации (Kryukov et al., 2013).

Кроме освоения Ванкорского месторождения (и формируемого на его основе проекта «Восток Ойл», реализации проекта «Ямал-СПГ») (включая строительство порта Сабетта, ориентиро-

ванного на транспортировку сжиженного природного газа и обеспечение круглогодичной навигации по Северному морскому пути), а также создания сверхкрупных мощностей по выпуску полиэтилена и полипропилена в Тобольске (ПАО «СИБУР-Холдинг», проект «ЗапСибНефтехим»), в постсоветский период на территории Сибири фактически не было реализовано ни одного крупнейшего проекта национальной значимости. Модернизация производственной структуры экономики Сибири за счет развития сегмента перерабатывающих и высокотехнологичных производств осуществлялась по следующим направлениям:

– развитие традиционных высокотехнологичных сегментов ВПК в Красноярском крае, Омской, Новосибирской и Иркутской областях (авиастроение, космические аппараты и ракеты; танкостроение), а также новых видов техники специального назначения (в том числе техники ночного видения); изделий нано-микронной биомикроэлектроники и т.д. Однако здесь отсутствовал заметный рост производства; более того, ставится задача передачи профильных видов оборонного заказа в другие федеральные округа (например, из Новосибирского авиационного завода им. В.П. Чкалова в авиационный завод в Комсомольске-на-Амуре);

– модернизация металлургической промышленности в Норильске, Кузбассе, Красноярском крае и Иркутской области. Наибольшие успехи достигнуты на алюминиевых заводах Красноярского края, которые сделали качественный рывок по переходу на новые технологии производства алюминия с учетом требований экологической безопасности;

– формирование высокоэффективных и высокотехнологичных агропродовольственных комплексов в Омской, Новосибирской, Томской областях, в Красноярском и Алтайском краях, что практически решило проблему обеспечения сибиряков мясными и молочными продуктами, яйцом, некоторыми видами овощей, кулинарно-кондитерскими изделиями;

– начало перехода лесопромышленного комплекса Красноярского края и Иркутской области на принципы «зеленой экономики» и производство продукции высоких переделов (пеллеты, плитная продукция, специфицированные пиломатериалы, клееные изделия для мебельного производства и домостроения, растворимая целлюлоза, химико-термомеханическая масса и т.д.);

– производство новых материалов (наноматериалы, в том числе одностенные углеродные нанотрубки; композитные материалы);

– катализаторы для нефтепереработки, нефтехимии и охраны окружающей среды. Здесь Сибирский федеральный округ вышел на первое место в России за счет успешной работы ведущей в России компании по производству катализаторов (СКТБ «Катализатор») и строительства в 2019 г. крупнейшего в Европе катализаторного завода в Омске;

– IT-технологии (программные комплексы, системы управления большими данными, информационно-справочные системы, распознавание речи и искусственный интеллект и т.д.). Заметный рост этого сегмента наблюдался только в отдельных регионах Сибирского федерального округа (Новосибирская и Томская области). Так, в Технопарке Новосибирского Академгородка объем продукции компании кластера информационных технологий превысил 15 млрд руб.

Тем не менее, в целом структура экономики Сибирского федерального округа остается достаточно архаичной. Лишь в структуре производства Томской и Новосибирской областей доля инновационного сегмента превышает среднероссийский уровень (в Новосибирской области она приблизилась к 25%).

В значительной мере это связано как с дефектами федеральной и региональной промышленной и инновационной политик, так и со слабым использованием в промышленности и других отраслях народного хозяйства новейших разработок отечественной науки (в первую очередь – институтов Сибирского отделения РАН). Особое значение в инновационной экономике Сибири должно быть придано тем технологическим направлениям, для применения которых в регионе есть значительный внутренний потенциальный спрос и собственные заделы в научных центрах исследований и разработок. Но это требует серьезной государственной поддержки региональных научно-инновационных комплексов и научно-инновационных кластеров Новосибирска, Томска, Красноярска и других городов Сибири, которая в прошлые годы осуществлялась крайне недостаточно.

2.3. Пространство и ресурсы Сибири: «сибирское проклятье» или стратегическое преимущество?

Говоря о Сибири как о крупнейшем макрорегионе мира, обладающим колоссальными ресурсами, многие экономисты, аналитики и политологи часто задают два основных вопроса: «Сибирское пространство: бремя или стратегическое преимущество?» и «Недра Сибири и ее сырьевая направленность: символ отсталости или же основа процветания?». Вокруг этих проблемных вопросов сложились устойчивые мифы, не имеющие ничего общего с реальностью. Коротко прокомментируем эти стереотипы.

«Сибирское проклятье» или «Сибирский путь» развития?

В новом тысячелетии в России и за рубежом было опубликовано несколько книг, которые способствовали активизации обсуждения проблем экономики Севера и Сибири и где ставился вопрос о нецелесообразности дальнейшего освоения их пространства. В первую очередь, это книга А.П. Паршева «Почему Россия не Америка» (Паршев, 2000), а также книга американских исследователей Ф. Хилл и К. Гэдди «Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold» (Hill, Gaddy, 2003).

Основная идея данных книг (кстати, в книге американских исследователей книга А. Паршева цитируется весьма обстоятельно как источник весомых аргументов в подтверждение основных выводов) сводится к двум основным утверждениям:

1) климат и география Севера и Сибири сильно «портят» их экономику и поэтому невозможно и нецелесообразно развивать их так и такими темпами, как это было сделано в рамках СССР;

2) решения, принятые в рамках централизованного планирования и управления, нелепы с экономической точки зрения и не позволяют успешно функционировать ни сибирским городам, ни сибирским предприятиям в условиях рыночно-ориентированной экономики.

Рассмотрим более подробно данную аргументацию.

Во-первых, значительное внимание в отмеченных книгах уделено удорожанию реализации тех или иных проектов вследствие более суровых природно-климатических условий. По мнению авторов, они снижают эффективность реализации любых экономических проектов на Севере и в Сибири (это показывает, напри-

мер, опыт Канады, значительная часть территории которой до настоящего времени не освоена в транспортном и хозяйственном отношениях). Решения же, принятые в рамках системы централизованного планирования и управления, не только не принимали во внимание это обстоятельство, но и усугубили его влияние в будущем в связи с созданием крупных населенных пунктов, рассредоточенных на значительной территории Востока России с суровыми природно-климатическими условиями.

Во-вторых, одной из существенных проблем экономического развития Сибири и Дальнего Востока является «неправильное» размещение городов и поселений. По мнению авторов книги «Сибирское проклятие...», не только «неверное» размещение городов и поселений и отсутствие устойчивых экономических связей между ними создает дополнительные сложности при адаптации экономики Сибири и Дальнего Востока к рынку, но также и гипертрофированный моноотраслевой характер населенных пунктов.

На основе данных обобщений делается вывод о том, что «Огромные пространства России – не сила и не преимущество. Это недостаток, который необходимо преодолеть. Огромные площади страны создают проблемы для повышения экономической конкурентоспособности и эффективного управления. Центры расселения рассредоточены в пространстве. По мере увеличения расстояния между городами и поселениями физическое перемещение становится более сложным. Прямые транспортные издержки возрастают. Обмен информацией затрудняется...» (Hill, Gaddy, 2003, с. 25 – пер. авт.).

В-третьих, американские исследователи отмечали, что «...рыночный механизм сам по себе был не в состоянии преодолеть экономические диспропорции в течение 1990-х годов, и эти диспропорции сохраняются и в ближайшем будущем – несмотря на стремление всех уровней российской власти осуществить изменение ситуации в Сибири и уменьшить население в ее северной части» (Hill, Gaddy, 2003, с. 4 – пер. авт.).

В работе (Мельникова, Селиверстов, 2008) мы детально рассматривали указанные (и аналогичные) публикации и обосновывали ошибочность или некорректность выдвигаемых тезисов. Остановимся на некоторых из них.

1. По нашему мнению, цитируемые авторы не учитывали, что все решения по развитию производительных сил Сибири в советские годы определялись в значительной степени политиче-

скими мотивами и необходимостью защиты страны, находившейся во враждебном окружении в рамках *совершенно другой экономической системы*. Поэтому их неправомерно оценивать с позиций современной рыночной экономики. Предлагаемое авторами книги «Сибирское проклятье...» решение о сжатии экономического пространства России и возврат его в границы Московской Руси исходит как раз из гипотетической ситуации, что немедленно и сиюминутно экономика страны переходит к функционированию на принципах рыночной экономики. Ничего общего с реальной экономической политикой такое решение, вполне очевидно, не имеет.

Несомненно, что немедленный переход к рыночным пропорциям и соотношениям цен на факторы производства приведет к неэффективности значительной части реализованных на территории Сибири проектов и решений, связанных с размещением производительных сил. В то же время постепенное изменение пропорций, адаптация инфраструктуры региона к новым экономическим связям и отношениям может сделать данный переход менее болезненным, более щадящим и конструктивным.

Нельзя не согласиться с точкой зрения английского исследователя М. Брэдшоу относительно того, что «Современная экономическая география России является пережитком советского прошлого, на котором строится новая рыночная экономика. Проще, вследствие самой природы советской системы – слишком много предприятий и людей делают не то, что следует, и не там, где следует. Этот факт налагает политические и социальные ограничения на то, что можно делать, и является ключевым в объяснении неполадок российской трансформации... Возможно потребуются десятилетия созидательного разрушения, для того чтобы перечертить карту российской экономики...» (Проблемные..., 2005, с. 43).

Поэтому, говоря о путях и направлениях развития экономики Сибири, нельзя и неправомерно говорить о заведомой неэффективности реализуемых на ее территории проектов и программ. Речь идет, скорее, о необходимости приведения материально-вещественных факторов и условий развития экономики региона в соответствие к меняющимся нормам и правилам, а также ценовым и тарифным пропорциям. При этом очень важен дифференцированный подход, а также оценка роли и значимости «естественных» и «приобретенных» факторов и условий.

2. «Нерыночное» развитие российского и сибирского Севера, на самом деле, было и остается реальностью по одной простой причине: практически во всех северных странах (Россия, Канада, скандинавские государства, Исландия, американская Аляска) Север и Арктика никогда не осваивались и не развивались только на рыночных условиях. Например, в Канаде эффективно действует программа «Продукты – почтой», которая способствует тому, что даже в самых отдаленных северных поселениях проживающее там население имеет бесперебойное обеспечение качественным продовольствием (в том числе свежими овощами и фруктами) по ценам, ненамного отличающимся от центральных регионов страны. Это – пример эффективного государственно-частного партнерства, когда государство берет на себя компенсацию затрат частным транспортным компаниям и логистическим центрам, обеспечивающим круглогодичное снабжение северян качественным продовольствием. Государство вкладывает средства в строительство в отдаленных территориях взлетно-посадочных полос, складских помещений и локальных логистических структур. Очевидно, что такая программа не вписывается в каноны рыночного развития Севера.

3. В ставшей мировым бестселлером книге «Сибирское проклятье...» выводы о перенаселенности Сибири, о «потерянных процентах» ВВП России из-за продолжающегося ее освоения, о суровом сибирском климате, удорожании производства и неэффективности развития (при измерении по рыночным критериям), которые отчасти справедливы для сибирского Севера и Арктики, целиком переносятся на всю Сибирь. И вся она, по мнению Ф. Хилл и К. Гэдди, является «балластом для России» и от него необходимо избавляться.

Абсурдность такого заключения говорит, скорее всего, о том, что авторы не знакомы с характером развития центральных и южных территорий Сибири, природно-климатические условия которых близки к центральным провинциям Канады, к северным штатам США (Вашингтон, Монтана, Северная Дакота и т.д.), к Швеции, Финляндии и Норвегии. Безусловно, южные территории Сибири – это не Калифорния, но здесь условия для жизни вполне комфортны и в некотором смысле даже более здоровы, чем в европейской России. В последние годы вследствие климатических изменений и глобального потепления наблюдаются более «мягкие» зимы, суровые сибирские морозы возникают

лишь эпизодически, а летний период не сопровождается изнуряющей жарой, преследующей многие европейские страны. В отличие от других территорий России (в западной ее части и на Дальнем Востоке), Сибирь не страдает от разорительных для государства, регионов и их жителей ежегодных паводков и наводнений.

4. Другая естественная особенность Сибири, которую «педалируют» оппоненты – это периферийность положения, удаленность ее регионов от экономических и культурных центров страны, от основных рынков, что вызывает дискомфорт у ее жителей и снижает потенциальную эффективность производства вследствие повышенных транспортных затрат. Это, действительно, во многом было справедливо применительно к прошлым этапам развития, но в ближайшей перспективе географический фактор удаленности Сибири должен подвергнуться корректировке.

Во-первых, повышенные транспортные затраты характерны не для всех производств и видов грузов, а в основном для крупнотоннажных (минеральное сырье, металлы, углеводороды, уголь, необработанная древесина и т.д.). Но в связи с переходом к новой модели развития сибирских территорий, связанной с интенсивным развитием в Сибири отраслей по глубокой переработке сырья и топлива (не менее 5–7 переделов), влияние фактора удорожания производства вследствие повышенных транспортных затрат относительно снизится. Эти новые производства существенно менее транспортоемки, чем необработанное топливо и сырье; сибирская продукция глубокой переработки может направляться не только в западную часть России, но и на более близкие расстояния – в страны Центральной Азии, северные провинции Китая, что в среднем на 2 тыс. км ближе. Безусловно, что прогресс на транспорте (новые виды транспорта – дирижабли и т.д.) и развитие новых транспортных высокоскоростных коридоров, проходящих по территории Сибири, равно как и начало круглогодичной навигации по Северному морскому пути, также будут способствовать преодолению сибирской «тирании расстояний». Новые технологические решения в строительстве в условиях Севера и Арктики, блочно-модульные принципы сборки производственных помещений и жилья, существенно удешевляют строительномонтажные работы.

Для реализации такой модели развития необходимо разорвать «порочный круг»: инвесторы пока продолжают реализовывать проекты глубокой переработки сибирского сырья и топлива в основном в европейской части России по причине более низких капитальных и транспортных затрат в этих районах. Но снизить эти затраты в Сибири и повысить эффективность ее развития возможно только при размещении новых перерабатывающих производств именно на сибирских территориях.

Во-вторых, последнее десятилетие в мире характеризуется кардинальным изменением производственных отношений, связанных с развитием информатизации и «цифровой экономики», новых сетевых форм организации бизнесов, удаленного труда, электронной коммерции и т.д. Пандемия коронавируса усилила эти процессы и стала триггером начала деурбанизации и переезда жителей мегаполисов в сельские территории и малые города. Все это заставит существенно переоценить негативное влияние «сибирской удаленности». Есть основания полагать, что и климатические изменения, и отмеченные факторы, связанные с новыми технологическими трендами, будут способствовать перемещению в Сибирь (особенно в ее комфортные и экологически чистые города) населения из европейской части страны, а также мигрантов-соотечественников из среднеазиатских республик.

Для нейтрализации или смягчения фактора удаленности для населения макрорегиона существуют экономические и другие механизмы. Это повышенные коэффициенты к заработной плате – северные надбавки и районные коэффициенты, которые до сих пор действуют для большинства территорий Сибири (другое дело, что их размер недостаточен для компенсации проживания в отдаленных регионах с особыми природно-климатическими условиями). А так же – возможность предоставления работникам дополнительных оплачиваемых отпусков и/или компенсации затрат на авиаперелеты и т.д.¹ Достаточно развитая система подобных компенсаций принята в Австралии, которая отличается сильной удаленностью от государств, расположенных в Европе и в Северной и Южной Америке.

¹ Все эти меры применительно к Дальнему Востоку Президент РФ В.В. Путин особо обозначил в своей речи на Дальневосточном экономическом форуме в 2021 г. Хотелось бы, чтобы эти преференции затронули и сибирские территории.

5. Несмотря на болезненные экологические проблемы на некоторых сибирских территориях и в городах, ряд из которых (например, Усолье-Сибирское) столкнулись с ситуацией экологической катастрофы, значительные пространства Сибири обладают уникальной биосферой и биоразнообразием, что повышает ее ценность как важнейшего экономического и социального актива России. Эти территории – сильный стратегический ресурс для развития «зеленой экономики», производства экологически чистого продовольствия, для развития рекреационных зон и туризма. Это позволяет по-новому оценить перспективы их развития, ведь ряд этих территорий ранее рассматривался исключительно в качестве хронически депрессивных (например, республики Бурятия, Хакасия, Алтай и Тыва).

6. В перспективе характерная черта сибирского пространства – суровый климат на значительной части территории – будет, наоборот, способствовать здесь реализации новых технологически трендов. Речь идет о глобальных дата-центрах, которые, как показывает мировой опыт, по причине колоссальных затрат на системы охлаждения наиболее эффективно могут функционировать в Приполярье и за Полярным кругом (как, например, международный дата-центр Verne Global в Исландии). Поэтому сочетание вечной мерзлоты и дешевой электроэнергии (которая может производиться на базе нефтегазовых месторождений) могут стать основой для реализации крупного проекта по созданию сети международных дата-центров в арктической зоне Сибири. В данном случае суровость сибирского климата, раньше рассматриваемая исключительно в негативном ключе, может стать одним из драйверов развития нового высокотехнологичного сегмента экономики.

И, пожалуй, самый главный аргумент о действительной ценности сибирского пространства. Итоги и перспективы развития Сибири следует оценивать не только с позиций сегодняшней экономической целесообразности. В условиях турбулентности и глобальной нестабильности именно территория Сибири становится *важнейшим стратегическим пространственным ресурсом* российского государства. Ее значимость для сохранения суверенитета, целостности и единства России и обеспечения национальной безопасности страны трудно переоценить. Обширной-

шие лесные пространства Сибири будут выполнять функции «легких планеты», озеро Байкал и сибирские реки надолго останутся мировыми источниками пресной воды. В условиях новых вызовов и угроз значение пространства как важнейшего стратегического ресурса во всем мире будет только возрастать. Страны с обширными территориями, к каковым в первую очередь относится Россия, обладают уникальным шансом превращения своих громадных неосвоенных пространств из «бремени» в важнейший национальный и международный актив.

Но для этого потребуется новая научно-обоснованная пространственная стратегия и политика России, которая не должна закреплять и усиливать гипертрофированное развитие крупнейших мегаполисов и городских агломераций как центров экономической активности страны (особенно ее западной части) с позиций текущих интересов. Она должна быть направлена на реализацию четко дифференцированной по западным и восточным, северным и южным макрорегионам инвестиционной, промышленной, социальной, научно-технической и экологической политики.

Ресурсы Сибири – символ отсталости ее экономики, или же основа процветания?

Современная история не подтверждает энтузиазма по поводу автоматического влияния факта обладания природными ресурсами на процветание тех или иных стран. Страны, бедные ресурсами, часто развивались быстрее, что заставило экономистов говорить о ресурсном (нефтяном, газовом, золотом, алмазном и т.д.) «проклятии». Сравнительные данные о реальном подушевом ВВП красноречивы: развивающиеся страны, небогатые природными ресурсами, с 1960 г. по 1990 г. росли в 2–3 раза быстрее стран с богатыми недрами. Нигерия и Венесуэла – примеры стран, природные богатства которых поставило их на грань выживания. С другой стороны, есть опыт Объединенных Арабских эмиратов, Кувейта и других государств, совершивших феноменальный скачок в экономическом и социальном развитии, опираясь на разумное использование своих недр.

Совершенно неоднозначно эти процессы происходили в самой, пожалуй, богатой ресурсами стране мира – в России. Поэто-

му в последние десятилетия за рубежом, в отечественном медийном и научном пространстве все чаще встречаются клише о «ресурсном проклятье» России и Сибири, о «сырьевой игле», на которую они «подсели», о том, что ориентация на развитие сырьевых производств в Сибири свидетельствует об отсталости и архаичности ее экономики и т.д.

Аргументация адептов теории сырьевой отсталости Сибири опирается на известные и никем не оспариваемые факты, что значительная часть российского бюджета формируется за счет экспорта углеводородов, минерального сырья, угля и древесины. Так, по оценке РБК, нефтегазовые доходы в широком понимании в 2019 г. составили больше трети всех доходов российской бюджетной системы (федерального бюджета, бюджетов регионов и социальных фондов), а их основной источник – сибирские ресурсы. В условиях роста мировых цен на эти продукты, страна получает дополнительные финансовые ресурсы для своего развития, при падении цен – возникает дефицит бюджета и необходимость сокращения многих государственных расходов. Прямолинейная ориентация на добычу и экспорт углеводородов и сырья консервирует технологическое отставание России и не способствует переводу ее экономики на инновационный путь развития.

Дискуссии о том, насколько оправдана, целесообразна и современна сырьевая ориентация экономики Российской Федерации серьезно активизировались в последнее время. Ставится основной вопрос: может ли Россия занять достойное место в мировом разделении труда, оставаясь страной, преимущественно экспортирующей необработанное сырье или, в лучшем случае, полупродукты, получаемые на основе первичной переработки этого сырья?

Мы считаем, что очевиден негативный ответ. Единственно возможным для российского государства путем является реализация стратегии развития, когда, основываясь на финансовых ресурсах, получаемых от экспорта минерально-сырьевых ресурсов (или продуктов их переработки), будет осуществлена структурная реформа экономики за счет развития современных наукоемких и высокотехнологичных товаров и услуг. В результате целенаправленной политики по истечении определенного времени

может быть сформирована современная структура экономики. И таким образом именно минерально-сырьевые ресурсы должны служить финансовым источником диверсификации экономики и преодоления «ресурсного проклятия» Российской Федерации.

Однако при этом возникает ряд вопросов тактического характера, а именно: а) как и каким образом осуществлять преобразование финансовых ресурсов, получаемых от экспорта минерально-сырьевых ресурсов, в воспроизводимые ресурсы – знания, технологии, производство новых товаров и услуг; б) как эти преобразования могут и должны происходить в пространстве, могут ли сибирские регионы за счет своих ресурсов быть не только продуцентами финансового базиса реиндустриализации страны и перевода ее на инновационный путь развития, но и осуществлять эти процессы на своей территории?

Для первого вопроса вырисовывается несколько путей решения проблемы. Один – направить часть сырьевых доходов государства на финансирование новых проектов, развитие научных исследований и образования. Второй – создать бизнесу условия и стимулы для самостоятельного инвестирования в отмеченные выше направления. Третий – ничего не делать и дать возможность рынку и рыночной среде реализовать заложенные в каждом человеке энергию созидания и стремление к достижению более высоких результатов.

Ни один из отмеченных путей не может быть реализован в современном обществе в чистом виде и поэтому необходимо разумно использовать комбинацию указанных возможностей. И, в первую очередь, следует уйти от противопоставления сырьевого и инновационно-ориентированного путей развития экономики России и Сибири, понимая, что они неразрывно связаны.

В современных условиях сырьевой сектор является одним из крупнейших потребителей и генераторов спроса на современные технологии и научно-технические решения. Во многом это обусловлено тем, что за последние десятилетия существенно ухудшились условия поисков, разведки и добычи многих минерально-сырьевых ресурсов. Морские буровые платформы не менее (если не более) сложные в техническом отношении объекты чем, например, атомные подводные лодки; комплексы по разра-

ботке и получению нефти из битуминозных песков Сибири сродни современным нефтехимическим комплексам и пр.

Однако почему же в России в целом, и в Сибири в частности, пока не приходится говорить о такой роли и месте сырьевого комплекса? Среди причин – бездействие государства и государственных институтов в формировании новых и современных требований к компаниям-недропользователям. Государство является собственником (по Конституции) всех полезных ископаемых и в этой связи может и должно определять требования и условия их рационального освоения и разработки. Например, именно нефтегазовый сектор Норвегии послужил в последние 20–30 лет «катализатором» формирования в стране современной наукоемкой и инновационно-ориентированной экономики. Аналогичная ситуация наблюдается в Канаде, США, Австралии, Великобритании. Но это произошло не автоматически, а на основе реализации сильной государственной политики и ее принятии бизнесом.

Поэтому роль государства в сфере недропользования в России должна, наконец, приобрести адекватную форму, в том числе за счет принятия целого ряда срочных (и во многом болезненных) мер и шагов. В их числе – разделение компаний-супергигантов, формирование гибкой модели государственного технического регулирования, усиление внимания к правам собственности на созданные бизнесом активы, повышенное внимание к формированию реальной конкурентной среды в минерально-сырьевом секторе. При этом вопрос цены и издержек общества и бизнеса при резком изменении ситуации остается открытым.

Коротко прокомментируем второй вопрос: как осуществить пространственный маневр в превращении экспортных и рентных доходов государства и компаний-недропользователей в финансовую основу модернизации и реиндустриализации экономики, ориентируясь на активизацию такой политики именно на территории Сибири.

Во-первых, отметим, что для российских сырьевых территорий (и прежде всего Сибири) проблема диверсификации «обременена» не только объективными и историческими условиями, но и, в значительной степени, политическими и иными требованиями и обстоятельствами, связанными с перманентным характером процесса изменения принципов функционирования государства (например, переход от либеральной к унитарной модели по-

строения федерации и уменьшение, в этой связи, финансовых возможностей и полномочий территорий в реализации собственных региональных проектов).

Поэтому, на наш взгляд, сегодня требуется выработка и реализация единой и согласованной региональной политики по развитию производств и исследований, ориентированных на удовлетворение нужд минерально-сырьевого сектора всей Азиатской России – Сибири и Дальнего Востока (включая, естественно, Тюменскую область с ее автономными округами).

Для этого необходимо:

1) определение потребностей реализуемых и подлежащих реализации проектов по освоению минерально-сырьевой базы Сибири и Дальнего Востока. Сертификация и определение перечня требований и условий поставки необходимого оборудования и предоставления соответствующих услуг;

2) формирование принципиального подхода к привлечению региональных подрядчиков к поставкам оборудования и предоставлению специализированных услуг. Например, может быть применен подход, во многом аналогичный «соглашениям о взаимопонимании» (по примеру Норвегии);

3) создание управленческих структур в системе органов исполнительной власти регионального уровня. Несмотря на то, что сибирские и дальневосточные субъекты Федерации в настоящее время лишены права «второго ключа» в решении вопросов, связанных с недропользованием, тем не менее, возможность их участия в процедурах согласования условий пользования недрами открывает возможность движения в данном направлении;

4) реализация новых форм взаимодействия федерального Центра и регионов Азиатской России в области сырьевого и инновационно-ориентированных секторов экономики. С этой целью необходимо формировать условия для функционирования и устойчивого развития сырьевого комплекса как наиболее приоритетного, социально и экономически значимого сектора хозяйственных комплексов Востока России. Это предполагает формирование и закрепление условий и предпосылок функционирования данного сектора на основе отечественного (прежде всего сибирского) научно-технического и кадрового потенциала, усиление его взаимодействия с высокотехнологичными отраслями российской экономики, создание эффективного государственного регулирования.

Во-вторых, сам вопрос о целесообразности диверсификации экономики сырьевых территорий не является бесспорным. Существуют разные точки зрения на этот счет, обусловленные главным образом сложностью данной экономической проблемы. Уолтер Хикл (Walter Nickel) – бывший губернатор Аляски и американский министр внутренних дел (указанное ведомство в США занимается взаимоотношениями федерального правительства и властей штатов, а также проблемами природопользования), один из основателей Постоянного Фонда Аляски – весьма неоднозначно подходит к проблеме диверсификации нефтедобывающего региона и полагает, что штат (в данном случае Аляска) может «хорошо жить», оставаясь просто сырьевой территорией. По мнению Хикла, вполне достаточным является лишь некоторое расширение структуры хозяйства, что отнюдь не равнозначно глубокой диверсификации региональной экономики (Хикл, 2004).

В-третьих, для нефтегазовых и других сырьевых территорий Сибири весьма актуальным (а порою жизненно необходимым) является переход к принципам устойчивого социально-экономического развития, предполагающим максимизацию «социальной ценности» ресурсов углеводородного и иного сырья. Имеется в виду, что динамика освоения ресурсов должна быть подчинена не только интересам предприятий и компаний нефтегазового сектора, национальным экономическим интересам (в частности, фискальным интересам федерального «центра»), но и социально-экономическим интересам той территории, где ведется добыча.

Не менее больной вопрос – реальные процедуры использования нефтегазовых доходов. В мире с целью «стерилизации» финансовой системы их отделяют от остальных доходов бюджета, создавая соответствующие фонды (Крюков, Крюков, 2019). Например, Норвегия создала фонд Global Pension Fund в 1990 г. Однако за первые шесть лет в него не упало ни одного эре (самой мелкой монеты). За счет нефтегазовых доходов осуществлялось финансирование строительства дорог и туннелей, науки и образования. Поэтому напрашивается вывод о разработке механизмов прямого использования части нефтегазовых доходов для финансирования инфраструктурных и иных проектов в Сибири.

* *
*

Подводя итог обсуждению мифов о «сибирском сырьевом проклятье», о том, что громадные пространства Сибири – «балласт для России», а ее сырьевая направленность развития архаична и неэффективна, сформулируем три основных вывода.

1. «Сибирского проклятья» и «сырьевой отсталости» Сибири попросту не существовало и не существует. Есть действительно «институциональное проклятье Сибири», связанное с неспособностью государства рационально использовать ее пространство и ресурсы, и с нежеланием бизнеса реализовывать на ее территории проекты глубокой переработки добываемого сырья и топлива. Нефтегазовые доходы от сибирских ресурсов десятилетиями бездумно транжирились на любые другие цели (на имиджевые проекты, поддержку режимов других стран, содержание государственного аппарата и силовых структур и т.д.), но не на цели структурной модернизации сибирской экономики.

2. Громадные пространства Сибири безусловно являются не «бременем», но новым важнейшим стратегическим ресурсом России.

3. В современных условиях требуется подготовка к структурным стратегическим маневрам в отношении ресурсного потенциала Сибири. Эти маневры должны учитывать потенциальные риски (переход на средние и малые месторождения с более низким дебетом скважин; декарбонизация экономики и возможное введение углеродного налога и т.д.) и реализовывать новые ресурсные возможности. Они связаны как с освоением крупнейших в мире Попигаевского месторождения импактных алмазов, Томторского месторождения редкоземельных металлов и др., так и с возникновением новых ресурсных производств с сильной их востребованностью на мировых рынках (водородное топливо; производство гелия и т.д.). В реализации всех этих маневров особая роль должна принадлежать новейшим научно-техническим разработкам отечественной (в первую очередь – сибирской) науки, которые должны стать основой реализации новых инновационных и высокотехнологичных проектов на территории Сибири.

Дискуссия же о «сибирском ресурсном проклятье» не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд; это не просто столкновение взглядов ученых и экспертов разных стран.

Дело в том, что выводы западных ученых о перенаселенности Сибири, об ее неэффективном ресурсном развитии вначале переносились в рекомендации и проекты Всемирного банка, реализуемые на территории России в 1990-е годы (например, в проект по северной реструктуризации), затем использовались в качестве идеологической основы российских стратегических разработок (например, Центром стратегических разработок «Северо-Запад») и далее – в управленческих политиках российского Правительства. Именно тогда в региональной политике был обозначен переход от выравнивания к поляризованному развитию, непосредственно затронувший территории Сибири.

В этот период уже напрямую говорилось о неэффективности пространственной организации российского государства и о необходимости его «сжатия». В новом тысячелетии такие экономико-политические установки уже не афишируются столь явно, но в реальности они фактически были воспроизведены в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. с ее однобокой ориентацией лишь на поддержку нескольких крупнейших городских агломераций и с отсутствием четкой стратегической линии по ускоренному развитию и модернизации экономики Сибири.

Безусловно, в Сибири нужна реализация новой политики освоения северных и арктических территорий, которая должна ориентироваться как на эффективную добычу северных ресурсов, так и на оптимизацию систем жизнедеятельности в этих регионах, в том числе на реализацию переселенческих программ, если выясняется невозможность развивать и поддерживать существующие северные поселения и т.д. В то же время круглогодичная навигация по Северному морскому пути и освоение новых ресурсов в северной и арктической зоне Сибири открывают новые возможности для северно-арктического вектора развития макрорегиона.

Но категорически нельзя согласиться с навязываемой России концепцией отказа от экономической активности на севере и в арктических регионах Сибири. Россия – великая северная страна, и ее особенностью является то, что значительная часть природных ресурсов расположена именно на Севере и в Арктике. Рекомендации по сворачиванию там производств по добыче сырья выглядят по меньшей мере наивными: в мире редки

примеры, когда суровые природно-климатические условия служили причиной отказа от добычи и эксплуатации дефицитных природных ресурсов¹.

В России не существует экономической дилеммы – реализовывать ли в северной и арктической зоне Сибири новые ресурсные проекты, этому фактически нет альтернатив. Добыча рано или поздно будет осуществляться, но здесь должны быть тщательно учтены, просчитаны и оценены все риски и угрозы. Существует обоснованная позиция, что излишне форсировать добычу углеводородов на арктическом шельфе не следует, так как, *во-первых*, это сопряжено с колоссальными финансовыми и материальными затратами, а *во-вторых*, пока не использован менее дорогой углеводородный потенциал, добыча которого несет меньше рисков и затрат на защиту окружающей среды.

Главный вопрос состоит в другом: как сделать добычу в Сибири максимально эффективной при минимальном использовании человеческого потенциала в суровых природно-климатических условиях, в полной мере реализуя возможные природоохранные мероприятия и новые технологические и инновационные решения.

Рассмотрим вопрос новой парадигмы развития сибирской Арктики более подробно.

¹ Ряд российских политиков и экспертов делает вывод о том, что такие рекомендации преследуют цель международного контроля над сибирскими ресурсами. Так, Секретарь Совбеза РФ Н. Патрушев заявил, что США «очень хотели бы, чтобы Россия не было вообще...», «...потому что мы обладаем огромными богатствами. А американцы считают, мы владеем ими незаконно и незаслуженно, потому что, по их мнению, мы ими не пользуемся так, как должны пользоваться. Вы, наверное, помните высказывание экс-госсекретаря США Мадлен Олбрайт, что России не принадлежит ни Дальний Восток, ни Сибирь» (За дестабилизацией Украины скрывается попытка радикального ослабления России // Коммерсантъ. 22.06.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2752246>). Мы не поддерживаем такие конспирологические версии, тем более что до сих пор нигде не опубликовано такое высказывание М. Олбрайт. Но Н. Патрушев в этом интервью произнес ключевую фразу: «потому что, по их мнению, мы ими (т.е. сибирскими ресурсами – прим. авторов) не пользуемся так, как должны пользоваться». Горькая правда состоит в том, что с этим мы вынуждены согласиться, и об этом говорилось выше.

2.4. Сибирская Арктика: элементы новой парадигмы развития

Арктическая зона мира в последние десятилетия является объектом пристального внимания ученых, политиков, бизнесменов и военной элиты различных стран. Взаимодействие государств в Арктике и потенциальный конфликт их интересов широко обсуждаются в рамках международной организации – Арктического Совета, в средствах массовой информации и в научных публикациях (Крюков, Крюков, 2019; Мир Арктики, 2018). На этом фоне особое внимание привлечено к арктической зоне Азиатской России. Это сфера особых геополитических, оборонных и экономических интересов Российской Федерации – в силу как колоссальных ресурсов, расположенных на этой территории, так и особого военно-стратегического и экономико-географического положения.

Именно поэтому нужны новые системные решения и управленческие технологии, воплощенные в целостной стратегии развития Севера и Арктики России и в соответствующей государственной политике. Необходимо учесть серьезные уроки, которые приостекают из мирового опыта:

- новые драйверы развития глобальной Арктики: климатические изменения; возрастающая экономическая активность в высоких широтах (прежде всего в морской Арктике); процессы глобализации;

- новая интерпретация безопасности на данной территории. Именно по причине растущих природных и социальных рисков и неопределенности, безопасность в Арктике все меньше становится делом только военных. В возрастающей степени она увязывается с экономической деятельностью, природно-климатической динамикой и интересами основных арктических игроков, в том числе в обеспечении собственной и глобальной энергетической безопасности;

- учет последствий разработки и реализации национальных арктических стратегий. Федеративные и унитарные полярные страны по-разному воспринимают арктические риски и разрабатывают различные институты защиты от них;

- необходимость использования новых механизмов недропользования и новых ресурсных режимов на Севере и в Арктике;

- важность поиска и реализации эффективных моделей управления, адаптированных к северным и арктическим широтам.

В ближайшем будущем освоение российского Севера и Арктики в контексте реалий мировой экономики и политики неизбежно будет требовать реализации новой арктической политики. Очевидно, что первая половина XXI века станет новым этапом освоения Арктики. Его своеобразие состоит как в масштабном вовлечении в экономический оборот биологических и минеральных ресурсов морей Северного Ледовитого океана, так и в выполнении международных обязательств по ликвидации загрязнения окружающей среды и сохранению экологического равновесия в Арктике.

В наших публикациях (Крюков, Крюков, 2019; Мир Арктики, 2018; Pilyasov et al., 2015) мы анализировали проблемы и перспективы Арктической зоны Сибири в первую очередь с позиций повышения эффективности ее социально-экономического развития и необходимых институциональных условий. Здесь мы рассмотрим Арктику в контексте сибирской «связности», имея в виду, что вопросы Арктики как ресурсной «кладовой» Сибири отчасти отражены в предыдущем разделе.

Значимость Сибири и Арктики еще в 1763 г. подчеркнул в своем гениальном предвидении великий российский ученый М.В. Ломоносов, сказав: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»¹. Могущество любой страны неразделимо с ее связностью; слабо интегрированная технологически, экономически, инфраструктурно, социально и этнически страна не может быть великой. И в таком контексте роль сибирской Арктики трудно переоценить. Кратко рассмотрим этот аспект.

Современная экономика, процессы глобализации, развитие современных транспортных средств и информационных технологий, климатические изменения значительно «приблизили» Арктику к остальному миру – не только в России, но и в мире в целом (включая и страны, расположенные далеко от «высоких широт»). Многое из того, что ранее казалось нереальным, становится доступным.

Изменения формируют одновременно и новые вызовы, и новые возможности. Например, быстрыми темпами развивается Арктический туризм, холод и мерзлота становятся преимущест-

¹ Широко распространена и цитируется лишь первая часть высказывания М.В. Ломоносова «Российское могущество прирастать будет Сибирью». Между тем упоминание Северного океана имеет в исходном варианте принципиальное значение.

вом при реализации проектов сжижения природного газа и создания центров хранения данных. В то же время при пренебрежении особенностями Арктики последняя «заявляет о себе» во всю силу (таяние мерзлоты и катаклизмы, с этим связанные, безграничный рост поголовья оленей и вызываемые этим болезни животных, а также стремительное истощение пастбищ и угодий).

В роли Арктики просматриваются три проблемных направления:

- проектная, производственно-технологическая и пространственно-отраслевая связность;
- реализация проекта развития Северного морского пути (СМП) как новой инфраструктурной основы связности сибирского пространства;
- социальные и этно-национальные аспекты сибирской связности.

Проектная, производственно-технологическая и пространственно-отраслевая связность сибирской Арктики с другими территориями Сибири

Важнейшая современная особенность подходов к решению социально-экономических проблем Арктики, на наш взгляд, должна состоять в следующем. Акцент во все большей степени следует делать не столько на отдельные проектные решения (построить, добыть, перевезти и пр.), сколько на формирование рамок и условий, обеспечивающих поступательное и устойчивое функционирование и развитие обширного арктического региона. А также на расширение и развитие форм кооперации и совместного участия нескольких компаний в реализации тех или иных проектов.

Значимой особенностью предлагаемых и реализуемых процедур и подходов к осуществлению проектов в высоких широтах становится их интеграционный и кооперационный характер – начиная от уровня отдельных сообществ коренных народов Севера и заканчивая крупными межрегиональными и межстрановыми проектами и направлениями взаимодействия.

Следует отметить, что за истекшие 25–30 лет в экономике Арктики России в целом и, особенно, в арктической зоне Сибири, сложились следующие особенности хозяйственной деятельности, большая часть которых имеет негативные последствия:

– резкое ослабление экономических связей с южными регионами страны (основные материально-вещественные потоки направлены на Запад и зарубежный Восток);

– разрушение многих кооперационных внутриотраслевых связей (фактическое прекращение вывоза леса по Севморпути; резкое уменьшение завоза грузов для нужд значительного уменьшившегося населения; отток трудоспособного населения из тех регионов Арктики, которые непосредственно не связаны с реализацией высокоэффективных проектов добычи минерально-сырьевых ресурсов);

– концентрация хозяйственной деятельности вокруг значимых минерально-сырьевых проектов, реализуемых крупными компаниями (как правило, с государственным участием);

– преимущественное развитие малого и среднего бизнеса в границах и рамках публичного (государственно финансируемого) сектора предоставления социальных услуг;

– утрата навыков и форм регулирования традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера и пришлого населения на основе традиционных знаний и умений (как результат – перевыпас оленей в тундре, перевылов рыбы в реках, резкое снижение роли промыслово-охотничьей деятельности в жизни и доходах северян).

В итоге имеет место фактический отход от комплексного развития и реализации социально-экономических проектов в интересах развития территорий Арктики в долгосрочной перспективе. Многочисленные попытки формирования новой модели решения комплексных проблем на Севере и в Арктике – от «всеохватывающих программ» до «опорных зон развития» и «минерально-сырьевых центров» – пока не дали положительного результата.

Наиболее существенным негативным последствием этих процессов стало разъединение экономического пространства Сибири – Арктическая зона Сибири во все большей степени ориентируется на широтные связи (с Запада на Восток); грузопоток по сибирским рекам с Юга на Север Сибири снизился в 6–8 и более раз; сибирская промышленность в очень незначительной степени участвует в реализации проектов в Арктической зоне России.

По нашему мнению, за истекшие 20–25 лет в решении проблемы пространственного освоения территории Сибири намети-

лась нежелательная и весьма неблагоприятная тенденция. Ее суть состоит в автономизации и дистанцировании проектов Арктической зоны макрорегиона от развития экономических центров, размещенных южнее (в экономически освоенной зоне, расположенной преимущественно вдоль Транссибирской магистрали). Вместе с тем реализация ресурсных проектов в Арктике требует наличия долгосрочных и скоординированных решений и мер с большим вниманием (по сравнению с другими регионами) к мультипликативным региональным эффектам.

В настоящее время эффект от реализации арктических проектов оценивается преимущественно по показателям возврата инвестиций и объема поступлений в бюджетные и резервные фонды, тогда как их влияние на региональные социально-экономические процессы учитывается слабо.

Так, согласно исследованию норвежской ассоциации INTSOK, российские предприятия, способные реализовывать нефтегазовые проекты на арктическом шельфе, оказались территориально «разбросаны» по стране. Основные отечественные подрядчики нефтегазовой отрасли сосредоточены в Центральном (Москва, Санкт-Петербург), Уральском (Урал, Западная Сибирь) и Каспийском регионах. Однако те меридиональные технологические и логистические связи южных территорий с арктическим севером, которые СССР выстраивал на основе водных артерий, в новой России оказались практически разрушенными, а специально созданный под них парк речных судов – распродан или утрачен. Так, в 2014 г. ОАО «Иртышское пароходство» (в его состав входит Омский судоремонтно-судостроительный завод) объявило о продаже 57 пассажирских и грузовых судов, поскольку многие из них не эксплуатируются. В результате наблюдается неадекватный рост издержек на доставку российских товаров и техники из глубины континента на северное побережье.

Одновременно с этим прослеживается стремление осуществить целый ряд крупных инвестиционных проектов в Арктике, даже в советское время считавшихся не значимыми, а то и несбыточными. В частности, спешно перешивается на широкую колею Северная железная дорога от Вологды до Архангельска, оборудуется Архангельский порт, строится Мурманская железная дорога, и все это – без заранее выработанного стройного плана, без выстраивания цепочки мультипликативных эффектов, без четкого понимания роли промышленных сибирских регионов на

каждом этапе реализации этих проектов, что, безусловно, критически сказывается на их мультиплицирующей способности.

С сожалением приходится констатировать, что значительная доля отечественного оборудования сегодня ни по ассортименту, ни по качеству и срокам поставки не отвечает предъявляемым запросам, так как у отечественных разработчиков нет опыта участия в сложных арктических проектах. Российская промышленность, включая наукоемкие производства для Арктики, находится в ловушке. С одной стороны, поставщики не могут предложить конкурентоспособную продукцию, обеспечивающую выигрыш в тендере для участия в арктических проектах, с другой – у предприятий нет финансовых возможностей для технологической модернизации из-за отсутствия заказов, что закрепляет их отставание и в худшем случае ведет к банкротству и распродаже активов.

Российское производство техники для Севера и Арктики в значительной степени основано на локализации зарубежных технологий, а получаемые эффекты имеют широтный географический характер и пока не выходят за рамки субъектов РФ, в которых размещаются новые производства или порты. Проекты формирования северно-арктической индустрии сжиженного природного газа (СПГ-проекты) фактически ориентированы на зарубежные технологии и их локализацию с соответствующим импортозамещением. Лидером таких проектов – компанией ПАО «НОВАТЭК» – зарубежные партнеры привлекались не только в качестве поставщиков оборудования, но и для поставок некоторых видов инертных материалов.

Зависимость развития российской Арктики от реализации лишь крупнейших и крупных проектов является одним из сдерживающих факторов в получении необходимых мультипликативных эффектов от освоения арктических ресурсов. Зарубежный опыт показывает, что должны развиваться не только крупные проекты, новые шельфовые платформы и СПГ-заводы, но и инновационно-ориентированная среда, компании соответствующего типа, организационные и технические решения, новые схемы финансирования. Основой для такой среды является малый и средний бизнес. Сервисный сектор, обслуживающий крупные проекты, должен стать местом приложения сил также и малых

компаний; последние могут эффективно работать и на небольших месторождениях. Именно это могут предложить сейчас Арктике регионы юга Сибири. Например, в Норвегии доля участия местных подрядчиков в нефтегазовом секторе составляет от 60–70%, что является результатом целенаправленной политики правительства.

С позиции усиления связности всего экономического пространства Сибири, усиление интеграции севера и юга Сибири с Арктикой является первоочередной задачей. Это не только повысит эффективность развития арктического региона, но и станет фактором развития других регионов страны. В частности, крайне важно, чтобы пояс Транссиба с его обрабатывающей промышленностью и аграрными базами работал в связке с Арктикой, участвовал в разработке и поставке в нее техники, в решении научных, инжиниринговых и других проблем. Но для этого необходимо развивать инфраструктуру всего сибирского макрорегиона.

При реализации проектов в Арктике необходима поддержка уже существующих базовых приполярных городов, которые являются поставщиками вахтовой рабочей силы, обслуживающей крупные арктические проекты. В настоящее время для всех нефтяных месторождений базовым городом является Тюмень, а Мирный поставляет вахты на новые алмазные месторождения и нефтяные промыслы. Этот список может быть расширен за счет городов юга Сибири. В них должны также развиваться медико-биологические учреждения, научно-исследовательские и инжиниринговые центры, обслуживающие Арктику.

Северный морской путь (СМП) – инфраструктурная основа усиления связности сибирского пространства и интеграционных трансграничных взаимодействий

Северный морской путь всегда рассматривался для освоения Арктики в контексте развития и решения проблем сибирских территорий – южной, средней и арктической зон. Такой позиции придерживаются многие исследователи, и не только в России. Например, специалисты Корейского морского института (Korea Maritime Institute, Seoul) видят стабильность и поступательность развития экономики южной и средней полосы Востока России в тесной связи с хозяйственной деятельностью в ее северной и арктической зонах. Именно подобное единство, по их мнению, в состоянии обеспечить устойчивые экономические связи мак-

рорегиона не только с соседними территориями (такими, как Европейская Россия или Дальний Восток), но и может более активно способствовать участию в международном разделении труда.

Это требует принципиально иных идей и подходов – от схем проработки реализации подобных проектов до создания их иной технологической основы (с ориентацией на сокращение потребностей в привлечении трудовых ресурсов, комплексировании различных видов хозяйственной деятельности, мобильности и пр.). Развитие экономики внутренних регионов Востока России является основой устойчивого функционирования Северного морского пути и активного включения Арктики в хозяйственную систему всей страны в целом.

Значимость Северного морского пути для России в современных условиях усиливается тем фактом, что основные сухопутные транспортные коридоры, реализуемые Китаем в рамках стратегической инициативы «Один пояс – один путь», минуют российское пространство. Они являются конкурентами российским (расширение Транссиба и т.д.), на которые ориентировались ранее с надеждой, что именно Сибирь может стать «мостом» между Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В такой ситуации Северный морской путь становится фактически безальтернативным морским транспортным коридором для связи стран Европы и Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, и именно поэтому к нему обращено пристальное внимание Китая, Южной Кореи, Японии и других стран.

Наличие в России самого сильного в мире ледокольного флота, климатические изменения в Арктике, реализация арктических СПГ-проектов и новых ресурсных проектов (Томторское месторождение редкоземельных металлов, Попигаевское месторождение импактных алмазов и т.д.) существенно повышают конкурентоспособность Северного морского пути и приближают начало его круглогодичной эксплуатации. Для повышения роли СМП не только для транзита грузов из стран АТР в Европу и обратно, но и для усиления широтно-меридиональной связности сибирского пространства, требуется решение проблемы массовой поставки грузов из южных и срединных территорий Сибири по ее важнейшим рекам (Енисей, Обь) к портам Северного Ледовитого океана,

создание для этих целей специализированного речного флота нового поколения, развитие припортовых коммуникаций и т.д.¹

Безусловно, что развитие СМП – не единственное направление укрепления инфраструктурной связности сибирского пространства. Требуется реализация масштабных программ: развитие магистральных автодорог и модернизации всей дорожной системы Сибири, строительство новых мостовых переходов, возрождение и развитие малой авиации макрорегиона, которая в последние десятилетия была практически разрушена, внедрение новых видов транспорта (дирижабли, суда на воздушной подушке, электротранспорт и т.д.). Существенно повысить связность наиболее активного экономического пространства южно-центральной зоны Сибири и мобильность его населения (в том числе трудовую регулярную мобильность) может реализация проекта «Сибирской конурбации», предусматривающего формирование сети скоростного железнодорожного сообщения, связывающего Новосибирск, Омск, Барнаул, Кемерово, Томск и Красноярск. Однако до сих пор не разработана Транспортная стратегия Сибири, в которой с общегосударственных и межрегиональных позиций были бы предложены направления решения отмеченных проблем. Существуют лишь национальная транспортная стратегия и транспортные стратегии отдельных субъектов Федерации.

Социальные и этно-национальные аспекты развития сибирской Арктики в контексте связности сибирского пространства

Суровые природно-климатические условия Арктики исключают ее массовое заселение. Это справедливо для всех арктических стран, в том числе и для России. Нигде в мире не повторенный феномен Норильска, когда за полярным кругом был построен город с населением более чем 150 тыс. чел.², вряд ли может быть воспроизведен в современных условиях. Идеология арктических городов при комбинатах-гигантах СССР ушла в прошлое, и сей-

¹ Научное обоснование широтно-меридиональных водных транспортных коридоров Сибири обосновывалось еще в 1980–1990-е годы в ИЭОПП СО РАН д.э.н., профессором М.К. Бандманом и его коллегами.

² В 2006 г. население Норильска (после включения в него городов Талнах и Кайеркан) достигло 213 тыс. чел. В настоящее время – 180 тыс. чел.

час сибирская Арктика развивается путем сочетания вахтовых поселков и небольших поселений с постоянным населением.

Современная политика расселения в азиатской Арктике России должна реализовывать два основных принципа:

а) обеспечение всем жителям Арктики, чей непосредственный труд необходим в этом регионе, приемлемых условий проживания при обязательном наличии и доступности, как минимум, общероссийского «пакета» социальных и общественных услуг;

б) предоставление коренным народам Севера возможности ведения традиционного образа жизни в местах и на территориях, где эта деятельность обусловлена природными и культурно-историческими факторами и условиями.

Только при выполнении этих условий может быть обеспечено единое социальное и этно-национальное пространство Сибири, связность которого невозможна при резком диспаритете качества жизни между северными и южными территориями.

Вахтовый метод, по всей вероятности, останется важнейшей моделью развития северных и арктических территорий Сибири. Но для повышения связности всего сибирского пространства необходимо, чтобы при его практической реализации выполнялись, как минимум, два условия:

– южные территории Сибири взяли на себя функцию формирования в них «опорных», обслуживающих и рекреационных зон для вахтовых поселков Севера и Арктики;

– состав вахтовиков постепенно замещался бы сибиряками (в настоящее время подавляющая их часть прилетает из регионов европейской части России, а также из республик Белоруссия и Азербайджан).

Несмотря на то, что крупные компании, занимающиеся разработкой северных и арктических ресурсов и формированием там необходимой инфраструктуры (порт Сабетта и др.), создают достаточно комфортные вахтовые поселки, с учетом уроков пандемии коронавируса потребуется некоторая корректировка организации вахтового метода. Это связано с тем, что скученное проживание вахтовиков и их периодический выезд в «материнские» регионы повышает риск массового заражения, с чем и столкнулись некоторые вахтовые поселки севера Сибири и Дальнего Востока.

2.5. Модели развития и системы управления территорий Сибири: case-study Новосибирской и Кемеровской областей

Динамика и эффективность развития регионов Сибири определяется сочетанием их ресурсных возможностей и наличного производственного потенциала, а также управленческих решений, принимаемых на федеральном, региональном и корпоративном уровнях. Следствием этих решений является реализация конкретных направлений инвестиционной, промышленной, социальной и других политик в данном субъекте Федерации. Очевидно, что стартовые условия и возможности развития регионов различны, равно как и их позиционирование в экономическом пространстве России, и это в существенной степени объективно влияет на потенциал их роста. Однако огромную роль играют и субъективные факторы, связанные с выбором той или иной модели социально-экономического развития конкретного сибирского субъекта Федерации и реализуемых на их основе систем управления.

Рассмотрим такие модели на примере двух регионов Сибири – Новосибирской и Кемеровской областей. Выбор регионов не случаен. Доминантой развития Кемеровской области является эксплуатация уникальных природных ресурсов этого региона. Новосибирская область в силу отсутствия таковых вынуждена использовать другие источники роста.

Новосибирская область как модельный пример развития регионов Сибири по несырьевому пути

Новосибирская область может рассматриваться в качестве показательного субъекта Российской Федерации, который осуществил собственную модель экономического развития, основанную на реализации основных конкурентных преимуществ и эффективных управленческих решениях. Здесь был в полной мере реализован принцип «опоры на собственные силы».

За последние полвека Новосибирская область трижды сменила свой имидж, роль и значимость в экономической системе страны. Один из наиболее развитых регионов Российской Федерации (1960–1980-е годы) со специализацией на развитии машиностроения (преимущественно оборонного) стал «новым депрессивным регионом» (конец 1980-х – конец 1990-х), войдя с 2000-х годов в группу наиболее динамично развивающихся субъектов

Российской Федерации с диверсифицированной структурой экономики и с ориентацией на инновационный путь развития.

Смена имиджа Новосибирской области определялась как процессами деиндустриализации и ломкой сложившейся отраслевой структуры хозяйства в 1990-е годы, имевшими стихийный характер, так и формированием новой экономики региона с начала нового тысячелетия, которое происходило уже как результат управленческих политик региональной власти и рыночных преобразований.

И стихийные процессы 1990-х годов, и социально-экономические тренды региона в последние 20 лет основывались на трех главных конкурентных преимуществах Новосибирской области: выгодное экономико-географическое положение в центре страны и на пересечении железнодорожных магистралей (Транссиб в западном и восточном направлении и Турксиб – в южном) и водного обского пути; сильный человеческий потенциал; уникальный научно-образовательный комплекс¹. В условиях отсутствия сколь угодно значимых месторождений полезных ископаемых это были единственные ресурсы развития, которыми располагала область.

В период рыночных реформ 1990-х годов, когда особенно пострадали базовые для Новосибирской области отрасли машиностроения, в существенной степени ориентированного на ВПК и составляющие основу высокотехнологичного производства (приборостроение, электроника и микроэлектроника), практически стихийно произошел переток экономической активности в сферу торговых, транспортно-логистических, финансовых и высокотехнологичных услуг. Новосибирск стал главным торгово-распределительным центром Востока России.

Ориентация на развитие сферы услуг позволила смягчить негативные социальные последствия экономических и политических реформ 1990-х годов, избежать социального взрыва, сформировать новые рабочие места для тех жителей области, которые поневоле были «выброшены» из реального сектора экономики. Начавшись как стихийный процесс, опережающее развитие сферы услуг и необходимой инфраструктуры в дальнейшем под-

¹ Новосибирская область занимает 8-е место в России по численности студентов, которые обучаются в 22 вузах. Новосибирский научный центр с 32 академическими институтами – крупнейший в стране. Концентрация научных кадров в Новосибирске в 1,5 раза превышает общероссийский показатель.

держивалось управленческой политикой региональной власти и местным бизнесом.

В результате Новосибирская авиакомпания «Сибирь» (после ребрендинга – S7) стала второй в России крупнейшей авиакомпанией после национального перевозчика «Аэрофлот – Российские авиалинии». Аэропорт Толмачево после коренной реконструкции стал самым мощным авиахабом Востока России, занимая 5–6-е место в стране по пассажиропотоку и 5-е – по грузопотоку. Международный выставочный комплекс «Новосибирск Экспоцентр» также является самым мощным и эффективным выставочным центром восточной части страны.

Все это позволило создать необходимый финансовый и бюджетный плацдарм для «маневра реиндустриализации», который начался во втором десятилетии XXI века. Нарастив на основе поддержки сферы услуг экономические и бюджетные возможности, власти и бизнес Новосибирской области оказались готовы к возрождению промышленности и формированию на новой основе других высокотехнологичных сегментов экономики. Область стала одним из российских лидеров по темпам роста валового регионального продукта и привлечения инвестиций.

Заметно усилилась действенность инновационной политики в регионе. Стабилизировалась положительная динамика качества жизни населения, приближаясь к средним значениям по Российской Федерации. Ежегодный ввод жилья в Новосибирской области стал одним из самых высоких в стране. В регионе сформировался сильный арсенал новых институтов развития и эффективная система поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (по их количеству область занимает 8-е место в РФ).

По концентрации и мощности технопарков и промышленных парков Новосибирская область стала безусловным лидером на востоке России. Здесь успешно работают пять технопарков, в том числе – один из лучших в стране – Технопарк Новосибирского Академгородка (выручка в 2020 г. – более 30 млрд руб.), несколько промышленных парков (наиболее известный – крупнейший за Уралом «Промышленно-логистический парк»). Кластерная политика и «парковая идеология» стали реальностью экономических преобразований региона. Двум территориям области – моногородам Линево и Горный – присвоен статус территорий опережающего социально-экономического развития.

В последние годы область устойчиво позиционируется в числе ведущих инновационных регионов России. Уже в 2012 г. она вышла на первое место в российском рейтинге регионов по общей конкурентоспособности. Город Новосибирск в 2008 г. победил во всероссийском конкурсе «Самый благоустроенный город России», в 2012 г. занял первое место в РБК–рейтинге «ТОП–15 альтернативных столиц России». В рейтинге НП «Центр развития государственно-частного партнерства» в 2015 г. Новосибирская область стала четвертой в России по развитию государственно-частного партнерства.

Основная концентрация экономической активности происходила в областной столице – г. Новосибирске. Его развитие основывалось на трех стратегических драйверах национальной и межрегиональной значимости: главный научный и инновационный центр востока России; административная, финансовая, культурная и коммуникационная столица Сибири; национальный транспортно-логистический хаб.

Выбор и корректировка моделей развития Новосибирской области и г. Новосибирска с начала 2000-х годов осуществлялись в процессе регионального и муниципального стратегирования. Можно отметить несколько важных документов, в которых были четко обозначены стратегические приоритеты развития региона и города и рекомендации по управленческим политикам:

1) Стратегический план устойчивого развития г. Новосибирска до 2020 г. (2003–2004 гг.);

2) Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на перспективу до 2025 года (2006–2007 гг.);

3) Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области на период до 2025 года (2014–2015 гг.);

4) Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года (2017–2018 гг.).

По заданию мэрии г. Новосибирска и правительства Новосибирской области первые три документа разрабатывались Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (Стратегический план развития г. Новосибирска – совместно с Новосибирским институтом информатики и регионального управления, который был головной организацией разработки).

Наибольший интерес с позиций данного раздела имеет Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области (Seliverstov, 2017). Она была направлена на активизацию мощного научно-инновационного потенциала региона путем создания здесь новых высокотехнологичных производств. «Ядро» этой Программы составили комплексные «флагманские» проекты. Они соответствовали ключевым технологическим направлениям развития региона, формировали новую экономику Новосибирской области и усиливали ее конкурентные позиции в экономическом и инновационном пространстве России. Эти проекты отражали реальные ключевые компетенции новосибирской науки и производства, их отличала масштабность и народнохозяйственная значимость, высокий кумулятивный эффект, сильная команда («мотор»), способная их реализовать, связка «наука–производство».

Данная программа получила поддержку высшего руководства страны, и для ее федерального сопровождения была сформирована межведомственная рабочая группа под руководством вице-премьера А.В. Дворковича. В целом Программа реиндустриализации экономики Новосибирской области стала модельным примером федерально-регионального партнерства и системы взаимодействия власти, науки и бизнеса в научно-технологическом возрождении российского региона.

Другим важнейшим вектором преобразований Новосибирской области в научно-технологической сфере в последние годы стала стратегическая инициатива «Академгородок 2.0» – программа развития Новосибирского научного центра как территории с высокой концентрацией исследований и разработок, реализуемая по указанию Президента РФ. Она направлена на создание Национального центра интеграции науки, образования, высокотехнологичного бизнеса и сети центров компетенций мирового уровня. Государство поддержало ряд важнейших проектов этой программы, в частности, проект «СКИФ – Сибирский кольцевой источник фотонов» (одна из мощнейших в мире установок класса «мегасайенс» нового поколения), программу развития Новосибирского исследовательского государственного университета, проект создания Центра бор-нейтрон-захватной терапии раковых заболеваний и др.

Выбор и реализация новых моделей развития Новосибирской области осуществлялись в условиях отсутствия на ее территории государственных корпораций и крупнейших вертикально-инте-

грированных компаний, являющихся, как правило, основными инвесторами в российских регионах. Однако эти корпорации и компании являются не только инвесторами, но и осуществляют эксплуатацию природных ресурсов конкретных территорий и контролируют их крупнейшие предприятия. Тем самым именно они, а не региональные власти являются «истинными хозяевами» сибирских регионов (как, например, «Норникель» на севере Красноярского края).

Новосибирская область стала одной из немногих сибирских территорий, где крупные бизнес-структуры не оказывали существенного влияния на процессы регионального развития. И данный факт, как это ни парадоксально, послужил только на пользу региону. Местной власти приходилось рассчитывать только на собственные силы при разработке моделей развития и адаптации их к изменяющимся внешним условиям.

Сказанное выше ни в коей мере не говорит о беспроблемном развитии области. В силу гораздо меньшей наполняемости регионального бюджета по сравнению с сырьевыми регионами, здесь пока не удастся достичь достойных стандартов уровня жизни населения. Недофинансирование Новосибирского научного центра СО РАН и его институтов по линии государства ограничивает возможности реализации научно-инновационных проектов. Имеются и другие проблемные участки регионального социально-экономического развития.

Но тем не менее общий вывод очевиден: региону удалось преодолеть период депрессивности, изменить специализацию и реализовать свои конкурентные преимущества на основе новых моделей развития и эффективного стратегического планирования и управления. Все это способствовало реализации процессов реиндустриализации и переходу на инновационный путь развития.

Кемеровская область (Кузбасс) как модельный пример сырьевой ориентации сибирского региона¹

В основе моделей социально-экономического развития Кузбасса всегда лежали крупные экономические проекты, реализуемые государством. В советский период они воплотились в мега-

¹ В данном разделе использованы результаты научных исследований, проведенных в Лаборатории экономических исследований Кемеровской области ИЭОПП СО РАН под руководством д.э.н. Ю.А. Фридмана и к.э.н. Г.Н. Речко.

проекты национальной значимости: создание в Кузбассе второго Донбасса (1925–1948 гг.), реализация проекта Урало-Кузнецкого комбината (1950–1965 гг.), создание Кузбасского территориально-производственного комплекса (ТПК) (1965–1980 гг.). Реализация указанных проектов привела к тому, что в период 1960–1975-х годов Кемеровская область являлась одним из самых благополучных в экономическом отношении регионов СССР.

Однако уже в 1980-е годы Кузбасс из региона развития и стабильности превратился в проблемный. Реализуемый в этот период проект под условным названием «Уголь Кузбасса – богатство России» провалился из-за резкого снижения инвестиций в угольную отрасль, накопленных экологических и социальных проблем. Попытки государства на волне шахтерских забастовок в конце десятилетия решить проблемы, даруя региону «экономическую свободу» в виде моделей регионального хозрасчёта и свободной экономической зоны, послужили толчком для реализации другой модели развития региона: «экспорт угля – наше спасение».

Одновременно в постсоветской России государство вернулось в Кузбасс в виде одной из самых мощных и в организационном, и в финансовом плане программ реструктуризации угольной промышленности. Однако уже в начале 2000-х годов специалистам стало понятно, что регион практически ничего не получил от этой программы. Ускоренный рост добычи угля не стал драйвером развития его экономики, а рыночные механизмы не работали на гармонизацию интересов региона, его населения и угольного бизнеса.

Более десяти лет (2004–2015 гг.) регион пытался найти своё место в экономической политике России, разрабатывая различные стратегические документы. Однако ни в одном из них не была предложена модель развития, которая вписала бы Кузбасс в мировые и общероссийские тренды. Федеральный центр помогал региону только различными преференциями угольному бизнесу (льготные кредиты, специальные тарифные ставки). Они увеличивали прибыли владельцев угольных активов, но это сопровождалось снижением уровня жизни людей в Кемеровской области.

В 2018 г. была предпринята попытка ещё раз определить место и роль Кузбасса в экономической политике России при разработке Стратегии социально-экономического развития Кемеров-

ской области до 2035 года¹. Авторы этой Стратегии попытались выработать предложения по корректировке существующих трендов и связать рост добычи угля с ростом уровня жизни, решением экологических проблем, утилизацией отходов. При этом *в качестве базовой экономической идеи провозглашалось возвращение Кузбассу статуса индустриального центра России*. Основным же инструментом достижения этой цели разработчики выбрали ускоренное развитие региона на основе увеличения числа высокооплачиваемых рабочих мест, возврата в регион «экспортированных» финансовых ресурсов за счёт выплаты налогов по месту функционирования бизнеса и развития внутрорегионального потребления, запуска программ для решения социальных и экологических проблем региона.

К сожалению, разработчики Стратегии не смогли уловить и оценить внешние шоки, которые могут поражать как «генетику» существующей социально-экономической системы региона, так и систему программно-проектных решений на всех уровнях планирования и прогнозирования: корпоративном, государственном и межгосударственном. К таким шокам относятся мировая климатическая повестка и глобальная декарбонизация, предполагающая переход к модели низкоуглеродного развития экономики. В последние годы возник и новый шок, связанный с пандемией коронавируса. Сегодня эта группа факторов определяет траекторию движения не только мировой и страновых экономик, но и отдельных регионов. Именно эти шоки и остановили даже небольшой экономический рост в Кемеровской области, который наблюдался в предыдущие годы.

Стратегия «Кузбасс–2035» (2018) просуществовала всего два года. Уже в 2020 г. Правительство Кемеровской области совместно с научными организациями и университетами Москвы подготовили новый документ: Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года². Эта Стратегия производит впечатление документа, сформированного в большой спешке, и по своей цельности и научной проработанности даже уступает Стратегии 2018 г. В буквальном

¹ Далее – Стратегия «Кузбасс–2035» (2018).

² Далее – Стратегия «Кузбасс–2035» (2020). По уверениям региональных властей, она разработана на основе оригинальной методики профессора В.Л. Квинта (МГУ).

смысле она собрана из всем известных штампов-лозунгов и «хотелок» региональных властей «везде и всегда быть первыми и лучшими», в ней не учитываются реальные тренды и конкурентные возможности соседних сибирских регионов.

Например, в Стратегии «Кузбасс–2035» (2020) в качестве важнейшего приоритета провозглашается «кардинальное преобразование Кузбасса в торговый центр и хаб Сибири», несмотря на то, что в настоящее время реальным транспортно-логистическим хабом (ТЛХ) и торгово-распределительным центром национальной значимости является Новосибирский ТЛХ и сфера торговых услуг региона, обладающие сильнейшим потенциалом дальнейшего роста. Кемеровская область существенно уступает Новосибирской по выгодности экономико-географического положения и не обладает необходимой инфраструктурой (мощным аэропортом международной значимости, современной транспортно-логистической инфраструктурой и т.д.).

В этой Стратегии полностью отсутствует рассмотрение возможностей и потенциала развития мощного промышленного комплекса черной металлургии, сконцентрированного в Новокузнецке. Ни разу даже не упоминается ключевой для Кузбасса вопрос – кардинальное решение проблемы безопасности горно-шахтных работ (взрывы метана в шахтах Кузбасса превращались в национальные трагедии) и т.д.

Исследования, проведенные в ИЭОПП СО РАН, показали, что современные угрозы экономическому развитию Кемеровской области являются результатом выбранной в 2000-х годах парадигмы и модели развития региона, основанной на идеях о росте значения угля в развитии российской и мировой экономики. Эти прогнозы не оправдались. В результате, чем больше в регионе добывалось угля, тем ниже становился его экономический потенциал и уровень жизни населения. Кузбасская модель конкурентоспособности по сути оказалась привязана к экспортной модели угольного бизнеса: с ростом цен на уголь растут индикаторы конкурентоспособности и связанные с этим объёмные (валовые) показатели, с падением – происходит мультипликативное снижение итоговых показателей (Крюков и др., 2020(б)).

Одновременно эти исследования показали, что неправомерно противопоставлять ресурсный и инновационный пути развития Кемеровской области. Ни в настоящее время, ни в обозримом будущем в Кузбассе нет серьезной альтернативы сырьевому (в пер-

вую очередь угольному) пути развития экономики. Главная проблема, которую предстоит решить региону, заключается не в отказе от ресурсного направления роста, а в формировании его нового качества, включающего не только и даже не столько «монетизацию», сколько «социализацию» получаемых эффектов – конвертацию инноваций не только в прибыль инвесторов, но и в качество жизни населения. Поэтому реальная Стратегия развития Кемеровской области на период до 2035 года должна помочь провести ребрендинг Кемеровской области и сменить имидж региона с замкнутого, «загнанного в уголь» на открытый, «растущий на угле». Стержнем модернизированной Стратегии должны стать гармоничное сочетание драйверов роста в различных секторах экономики при условии грамотного управления сырьевым и не сырьевым потенциалом территории и ускорения процесса инновационной модернизации региона.

Новая доктрина развития Кузбасса должна опираться на идею о том, что ресурсы (в том числе угольные) обладают колоссальной социально-экономической ценностью и регион имеет право на получение достойного роялти. Добыча угля, так и не сумевшая за прошедшие десятилетия стать драйвером развития кузбасской экономики, теперь должна попытаться взять на себя роль ее трансформатора. Кузбасс обладает необходимым потенциалом, чтобы стать площадкой для реализации пилотного проекта по созданию институциональной инфраструктуры для гармоничного развития региона ресурсного типа новой формации, базирующейся на принципах реиндустриализации. Однако при этом необходимо учитывать риски того, что в недалеком будущем, в силу развития мировых тенденций по декарбонизации экономики, Кузбасс может оказаться в критическом состоянии из-за резкого сокращения экспортных поставок угля и введения международного «углеродного» налога.

В целом Кемеровская область столкнулась с типичной проблемой многих сырьевых регионов мира с истощающимися запасами, или регионов с высокой концентрацией предприятий тяжелой промышленности, потерявших свою конкурентоспособность из-за неспособности встроиться в высокотехнологичные тренды. Однако многие из них осуществили переход на новые модели развития, связанные с переспециализацией производства. Например, авторы посещали г. Питтсбург (США) и познакомились

с «историей успеха» Питтсбургской агломерации. Здесь произошла эволюция одной из самых депрессивных и загрязненных американских территорий, потерявшей после Второй мировой войны свои конкурентные позиции в черной металлургии. На основе реализации проектов программы «Ренессанс» и «Ренессанс–2» здесь были успешно внедрены проекты реструктуризации экономики и социальной среды региона на основе интеграции усилий власти, бизнеса и науки. Это превратило Питтсбург и его окрестности в территорию новой экономики, высокотехнологичных услуг, в международный центр развития биотехнологий, робототехники и компьютерной техники со штаб-квартирами крупных корпораций. Питтсбург неоднократно завоевывал титул «самого комфортного для проживания крупного города США». Это – показательный пример реализации новой модели развития.

* *
*

В данном разделе не ставилась цель детального сопоставления динамики и эффективности развития Новосибирской и Кемеровской областей. Важно было выделить общие тренды, реализуемые в эти периоды модели развития и связанные с ними системы регионального управления. При этом авторы понимали, что изначально Кемеровская область с ее «утяжеленной» и фактически узкоспециализированной структурой хозяйства находилась в менее выигрышном положении, чем Новосибирская. В последней наблюдается сильная диверсификация экономической структуры, отсутствие предприятий-гигантов или отраслей-монополистов, что дает больший простор для осуществления экономических маневров. В Кемеровской области такие действия затруднены из-за невозможности одномоментного отказа от «угольной доминанты» развития как по причине зависимости региональной власти от «угольного лобби», так и в силу необходимости решения социальных проблем шахтеров и членов их семей. Здесь проявились блестящие организаторские способности и национальный авторитет губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, которому удалось сохранить потенциал региона в тяжелые годы политических и экономических реформ. Его последователю С.Е. Цивилеву сейчас придется решать нелегкую задачу совмещения угольной специализации Кузбасса с поиском новых источников развития региона.

Преобразования в Новосибирской области так же были бы невозможны без эффективных региональных лидеров. Здесь в первую очередь стоит отметить заслуги губернатора В.А. Толоконского, обладавшего сильным стратегическим мышлением и умением реализовывать поставленные задачи. Следующие губернаторы – В.А. Юрченко, В.Ф. Городецкий, А.А. Травников – продолжали его курс на экономические и инновационные преобразования в области и усиление ее позиционирования в экономическом пространстве России.

Не углубляясь в анализ экономических показателей, отметим, что ориентация на разные модели развития Новосибирской и Кемеровской областей объективно имела следствием и разную их результативность. Так, в последние 20 лет среднегодовые темпы прироста валового регионального продукта Новосибирской области были в среднем в 1,5–2 раза выше, чем в Кемеровской.

Различные аспекты реализации моделей развития двух регионов отражают рейтинги эффективности функционирования субъектов Российской Федерации (табл. 2). При всей их условности они в целом, во-первых, говорят о большей результативности, инновационной направленности и инвестиционной привлекательности Новосибирской области по сравнению с Кемеровской, а во-вторых, о существенно большей динамике позитивных изменений первого региона. Например, по данным Агентства стратегических инициатив, Новосибирская область в национальном рейтинге по состоянию инвестиционного климата в 2015 г. была на 57-м месте, а через пять лет переместилась сразу на 38 позиций (19-е место в 2020 г.). Кемеровская же область, наоборот, в эти годы потеряла 24 позиции: «Эксперт РА» фиксирует очень высокий ранг риска в этом регионе (60-е место в стране).

Сопоставление двух соседних сибирских регионов достаточно убедительно доказывает важность выбора в процессе регионального стратегирования адекватных доктрин и стратегий развития, на основе которых в дальнейшем реализуются управленческие политики местных властей. Конечно, региональные власти ограничены жесткими рамками федерального законодательства, национальной модели развития экономики и системой поддержки бизнеса, межбюджетными отношениями. Все эти внешние усло-

вия достаточно жесткие, архаичные и неэффективные. Тем не менее, у сибирских региональных властей и представителей бизнеса существует две возможности по реализации в регионах новых моделей и программ развития, создания здесь лучшей среды обитания для проживающего населения и лучшего инвестиционного климата.

Таблица 2

Ранги и динамика экономических рейтингов Новосибирской и Кемеровской областей в 2015–2020 гг.

Показатель	Новосибирская область		Кемеровская область	
	2015	2018	2015	2018
Рейтинг регионов России по степени интенсивности конкуренции и состоянию конкурентной среды (Федеральная антимонопольная служба России)	1 (2015)	–	21–23 (2015)	–
Национальная премия в сфере инфраструктуры «РОСИНФРА» (Центр развития ГЧП)	1 (2015)	1	–	–
Конкурс инновационных территориальных кластеров (Минэкономразвития России)	3 (2015)	–	–	–
Всероссийский рейтинг регионов по уровню развития ГЧП (Центр развития ГЧП, Минэкономразвития РФ)	4 (2015)	7 (2018)	52 (2015)	36 (2018)
Рейтинг инновационного развития регионов России (Ассоциация инновационных регионов России)	10 (2015)	6 (2018)	60 (2015)	56 (2018)
Российский региональный инновационный индекс (Высшая школа экономики)	11 (2015)	9 (2019)	40 (2015)	35 (2019)
Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов (Эксперт РА)	(2015)	(2020)	(2015)	(2020)
– ранг потенциала	15	15	16	17
– ранг риска	19	20	56	60
Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата (Агентство стратегических инициатив)	57 (2015)	19 (2020)	21 (2015)	45 (2020)

Источник: Составлено авторами на основе данных рейтинговых агентств.

1. Вписаться в существующую систему российского федерализма и «точечной» (экссклюзивной) региональной политики и попытаться «выбивать» необходимые ресурсы и внимание центральной власти к соответствующим регионам или к конкретным инвестиционным проектам, используя традиционные для современной России пути и механизмы: лоббирование региональных интересов на всех уровнях; просьбы и обращения к высшим должностным лицам государства; попытки разместить на своей территории имиджевый федеральный проект (типа крупных международных спортивных мероприятий или международных саммитов высокого уровня), сопровождаемый федеральными «вливаниями»; попытки вхождения в программы и проекты госкорпораций типа Роснано или РЖД; инициирование «искусственных» агломераций путем объединения ряда близлежащих городов и поселений и т.д.

2. Путем консолидированных с другими регионами усилий попытаться на основе законодательных инициатив изменить существующую институциональную среду (т.е. законы, нормы и правила экономической, инвестиционной, социальной и региональной политики). Результатом изменений стало бы не только ускорение развития регионов, но и гармонизация пространственного развития России на основе совершенствования межбюджетных и межрегиональных отношений, взаимодействия федерального Центра и регионов.

Очевидно, что в настоящее время объективно доминирует первый путь, и вряд ли стоит упрекать сибирских губернаторов в его использовании. Хотя он и может приводить к локальным и краткосрочным выгодам в отдельных ареалах Сибири, но в целом он консервирует неэффективную современную практику отношений «Центр–регионы».

3. Сибирь в «восточном векторе» развития России и проблемы связности сибирского пространства

3.1. Проблематика «связности» в зарубежной и отечественной литературе

Экономика и общество развиваются во времени и в пространстве. Помимо расширительного философско-географического понимания пространства как территории со своими географическими координатами, в экономической, региональной и географической науке, в политологии используются такие понятия, как «экономическое пространство», «информационное пространство», «научно-техническое пространство» и т.д. Они характеризуют территориальный (пространственный) разрез соответствующих процессов и явлений применительно к территориальным системам и к их составным частям.

Понимая «пространство» как совокупность природных ресурсов, производительных сил и производственных отношений, институционально оформленных в виде государств или регионов на конкретной территории мира, всегда возникает вопрос о качестве этого пространства: насколько оно однородно и гомогенно; как организованы внутренние связи его составных частей (например, регионов и городских систем в рамках конкретного государства) и каковы тенденции их взаимодействий; как осуществляется принцип социальной справедливости для локальных социумов, проживающих в разных частях этого пространства, и т.д.

Здесь особую значимость имеют проблемы единства, интеграционности и связности пространства стран, макрорегионов и межгосударственных союзов, и сопряженные с ними вопросы межрегиональной интеграции, межрегиональных и социальных неравенств и диспаритетов, метрик экономического пространства, выравнивания уровней социально-экономического развития регионов и т.п. Они являются предметом региональной науки и многочисленных исследований, и здесь затруднительно даже кратко перечислить наиболее известные подходы к оценкам и измерениям этих процессов, соответствующие монографии и статьи. Тем не менее постараемся оценить некоторые работы в этой области.

В проблематике связности пространства особое значение уделяется вопросам социальных и межрегиональных неравенств (Cowell, 2009), которые, как показал Т. Пикетти (Piketty, 2014), росли весь XX век. К. Перес, рассматривая технологические парадигмы в контексте формирования финансового капитала (Перес, 2011), сделала вывод, что разные фазы внутри одной технологической парадигмы, а также переход с одной парадигмы на другую ввиду неравномерной смены технологических траекторий регионами и странами, также порождают в современных условиях жесточайшие пространственные и социальные неравенства. И хотя новые информационные технологии и бурное развитие «цифровой экономики» в целом способствуют повышению связности стран, макрорегионов, регионов и локальных сообществ, пока они приводят лишь к усилению их «цифровых неравенств».

Фундаментальные результаты на стыке исследований процессов глобализации, информатизации, экономики, социологии, теории управления, культурологии были получены профессором Калифорнийского университета (Беркли) М. Кастельсом. Он сформулировал целостную теорию, которая позволяет оценивать фундаментальные последствия воздействия на современный мир революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности (Castells, 1996–1998). Новые коммуникационные взаимосвязи, появление «интернет-экономики», определяемые Кастельсом как «сетевое общество», созданное сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство, оказывают сильные воздействия на изменения в социальной структуре общества. И все это, безусловно, определяет новые тенденции в развитии процессов связности пространства, экономики и общества.

Другие кардинальные изменения в процессах связности экономического и социального пространства стран и регионов вызываются в настоящее время тенденциями «цифровой экономики» и бурным развитием платформ и экосистем бизнеса. Проблемы социальных неравенств в рамках формирования «капитализма платформ» блестяще рассмотрены Н. Срничком (Срничек, 2019).

Наиболее часто проблематика связности пространства в теоретическом и практическом плане рассматривалась на примере Европейского союза и региональной политики сплоченности ЕС (EC Cohesion Policy). В частности, эти процессы исследовались в монографиях, статьях и в трудах конференций (Eugorean..., 1994; Territorial..., 2013; Bachtler, Memdez, 2020), где изучались вопросы формирования структурных фондов ЕС как важнейших инструментов политики выравнивания в Евросоюзе, развития транспортно-логистической сети Европы и региональных научно-инновационных систем как пилотных территорий формирования новой экономики еврорегионов и продуцентов «диффузии инноваций». Реализация региональной «политики сплоченности» ЕС во второй половине XX века в целом давала повод для оптимизма при оценке возможности реализации эффективных интеграционных процессов на межстрановом и макрорегиональном уровнях и служила в качестве примера для региональных политик отдельных государств. Но с началом нового тысячелетия сплоченность единой Европы оказалась перед лицом новых вызовов и угроз глобализации и турбулентности мирового развития. Итогом стали выход Великобритании из ЕС, продолжающиеся попытки отделения Каталонии от Испании и т.д., что не способствовало связности единого европейского пространства.

Президент Европейской ассоциации региональной науки А. Торре в своих работах анализирует современные представления о том, как подтягивать периферийные и аграрные территории до уровня развитых, чтобы не разрывать единое экономическое пространство ЕС. В этом контексте он рассматривает проблемы «умной специализации» регионов (Smart specialization), «связанного разнообразия» (близкого к российскому пониманию комплексности), развития региональных инновационных систем. Характерно, что в своих работах при характеристике взаимодействий европейских регионов он использует термин «Proximity relations» («Отношения близости») (Torre, 2014), что коррелирует с нашим пониманием связности пространства.

Межрегиональная сплоченность и связность пространства исследовалась и в свете теории и практики федерализма. Особенно рельефно эти аспекты освещались в контексте бюджетного федерализма и межправительственных отношений (The Impact...,

2003; Federalism..., 2013). Здесь выявлялись и сопоставлялись две модели федерализма: «конкурентный федерализм» (яркий пример – США) и «федерализм сотрудничества» (Канада, Германия и другие страны) и их возможности в решении проблем сокращения региональных диспаритетов, формировании единой транспортно-логистической и коммуникационной инфраструктуры как материальной основы усиления связности субъектов Федерации, культурной интеграции национальных регионов и т.д. Особенный интерес в области взаимодействия процессов федерализации, глобализации и интеграции представляют исследования канадских ученых (Canada..., 2004).

Что касается реальной практики реализации новой модели «сплоченности» регионов и усиления связности пространства страны, то здесь накоплен уникальный опыт Германии, в которой после объединения ФРГ и ГДР был осуществлен проект «единства нации» на основе реализации крупномасштабной программы реинтеграции восточных земель в экономическое и политическое пространство западных (Региональная..., 2015). Так, для этих целей в 1990–1994 гг. был создан специальный фонд поддержки восточных земель «Немецкое единство» («Deutsche Einheit»).

Модель формирования транснациональной и межрегиональной сети четырех наиболее индустриализованных и исследовательски-ориентированных регионов Европы получила название «Четыре мотора Европы». Такие регионы, как Рона-Альпы во Франции, Баден-Вюртемберг в Германии, Каталония в Испании и Ломбардия в Италии в 1988 г. подписали соглашение о сетевых взаимодействиях в области науки, образования, охраны окружающей среды, культуры и в других сферах (Loughlin, 1996). Это стало прообразом новых сетевых взаимодействий регионов различных стран, не всегда граничащих друг с другом, но взявших на себя обязательства реализации единой социально-экономической и научно-технической политики в интересах повышения связности и интеграции крупного макрорегиона мира.

Развитие процессов связности европейского пространства осуществлялось и в рамках трансграничных взаимодействий. Наиболее четко концепция трансграничных взаимодействий была реализована в Европе в виде выделения так называемых еврорегионов, т.е. европейской формы межгосударственной интеграции, основанной на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, расположенных в приграничных

районах соседствующих государств (например, «Адриатика», «Маас-Рейн», «Силезия», «Татры» и др.). Территории России входили в состав таких еврорегионов, как «Неман», «Балтика», «Карелия», «Днепр», «Ярославна»¹. В региональной политике Европейского союза еврорегионы выступали объектом управления, на поддержку их развития выделялись целевые средства для реализации конкретных проектов. Еврорегионы были объединены в Ассоциацию европейских регионов, с 1985 г. действует Ассамблея европейских регионов. Для описания ареалов трансграничных взаимодействий И.Н. Барыгин вводит понятие «международный регион» (Барыгин, 2009).

Являясь одной из важнейших качественных характеристик территориального развития стран, макрорегионов и межгосударственных союзов, уровень связности их пространства особенно важен для оценки эффективности пространственной организации крупных по территории и масштабам экономик государств, таких как Россия, Канада, Китай, США, Бразилия, Австралия. Они характеризуются сильными межрегиональными различиями природно-климатических и ресурсных условий, уровней социально-экономического, научно-технического развития регионов, их транспортной доступности и т.д. При этом может изучаться и оцениваться как связность всего пространства этих крупных стран, так и их макрорегионов.

Интересным полигоном реализации региональной политики выравнивания и повышения связности пространства является современный Китай. Бурный экономический рост страны с начала экономических и политических реформ Дэн Сяопина и в последующие годы обеспечивался в существенной степени за счет экономически и технологически развитых южных и центральных провинций КНР. Это привело к резкому росту региональных диспаритетов. С началом нового тысячелетия руководство Компартии Китая поставило задачу «подтягивания» уровня социально-экономического развития северо-восточных провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), а также пяти автономных районов, расположенных в основном на севере страны (Синцзянь-Уйгурский, Внутренняя Монголия, Тибет, Нинся и Гуанси) до уровня передовых китайских провинций (КНР..., 2015).

¹ Еврорегион. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD>

Для этого реализовывались крупномасштабные государственные программы, например, Программа модернизации старопромышленной базы Северо-Востока Китая. В результате темпы экономического роста на северо-востоке КНР стали устойчиво превышать среднекитайские, с 2004 г. по 2011 г. ВРП этого макрорегиона увеличился в 3 раза. Получили развитие новые прогрессивные отрасли (автомобилестроение, авиастроение и пр.).

Другим важнейшим направлением реализации китайской модели выравнивания и усиления связности пространства страны стало бурное развитие сети высокоскоростных железных дорог, в том числе в северных высокогорных регионах. Все это, безусловно, способствовало снижению региональных и социальных диспаритетов в Китае, повышению связности его экономического, научно-технического и культурного пространства. В то же время важной и пока не решенной проблемой является этно-национальная связность. Национальная политика Китая подвергается критике за рубежом, и здесь пока существуют серьезные проблемы.

Российская Федерация, как самая крупная по территории многонациональная страна мира, обладающая уникальным потенциалом природных ресурсов и сильнейшими различиями природно-климатических и социально-экономических условий развития своих регионов, так же, как и Китай, должна выбрать адекватную модель пространственной организации экономики и общества. Россия должна стать полигоном решения проблем связности пространства страны, сокращения региональных экономических и социальных неравенств, повышения комплексности развития субъектов Федерации и городов, поддержки этнокультурной идентичности национальных республик и других национальных автономий.

Все эти вопросы нашли отражение в российской экономической и географической науке – в СССР и постсоветской России накоплен большой опыт исследований и разработок.

Здесь отметим лишь исследования А.Г. Гранберга (Гранберг, 2000) и П.А. Минакира (Минакир, 2006; Экономическая..., 2004) в области методологии и практики региональной экономики и пространственного развития России и ее восточных регионов, В.А. Крюкова и В.В. Кулешова (Крюков et al, 2013; Крюков, 2018; Крюков, 2019) по проблемам социально-экономического развития Сибири и развития регионов ресурсного типа, В.Н. Лексина, А.Н. Швецова (Лексин, Швецов, 1997; Лексин, 2008) и О.В. Куз-

нецовой (Кузнецова, 2012) по проблемам формирования федеративных отношений и региональной политики Российской Федерации, Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова (Замятина, Пилясов, 2013; Синергия.., 2012) по вопросам синергии пространства и его российским особенностям, В.А. Колосова и Н.С. Мироненко (Колосов, Мироненко, 2005), А.К. Тулохонова по проблемам политической географии (Тулохонов, 2020). В работах по связности российского пространства следует особо выделить исследования Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2010; Зубаревич, 2016) и Е.А. Коломак (Коломак, 2013). Так, исследуя феномен российских региональных и социальных неравенств, Н.В. Зубаревич ввела понятие «Четыре России» (страна больших городов; страна средних промышленных городов; огромная по территории периферия, состоящая из жителей села, поселков и малых городов; республики Северного Кавказа и юга Сибири).

Целью настоящего раздела является качественная оценка связности пространства Сибири как важнейшего макрорегиона Российской Федерации в контексте позиционирования Сибири в «восточном векторе» пространственного развития страны и реализации на территории макрорегиона интеграционных процессов. До сих пор в такой триаде (связность пространства – интеграционные процессы – восточный вектор развития России) применительно к Сибири научные публикации отсутствовали. Будут поставлены следующие исследовательские вопросы:

- связность пространства стран и макрорегионов и новые тенденции интеграционных процессов;

- связность пространства Сибири на фоне генезиса интеграционных процессов;

- макрорайонирование Сибири в контексте связности ее экономического и политического пространства и возможностей управления этими процессами;

- Сибирь в «восточном векторе» развития России и в трансграничных взаимодействиях на Азиатском континенте;

- межрегиональные проекты как основа связности экономического пространства Сибири;

- сибирская наука и региональные научно-инновационные системы как системообразующие основы интеллектуального и культурного единства Сибири и формирования новых высокотехнологичных кластеров.

Будут рассмотрены и институциональные условия усиления связности пространства Сибири в единстве социально-экономических, научно-технических и транспортно-логистических аспектов.

3.2. Связность пространства стран и макрорегионов и новые тенденции интеграционных процессов

Одними из основных характеристик качества проектируемых систем являются понятия «связанности» (Coupling) и «связности» (Cohesion). Эти же понятия чрезвычайно важны в развитии крупных территориальных систем (КТС)¹; в последнее время в научной литературе и в средствах массовой информации они стали использоваться все более часто. Несмотря на повсеместное использование термина «связанность территорий»², мы предпочитаем использовать термин «связность». Даже чисто терминологически *связанность* ассоциируется с внешним воздействием (часто в форме принуждения), а *связность* – с добровольной и внутренней потребностью частей системы к объединению. Не случайно региональная политика сплоченности ЕС именуется «Cohesion Policy» (что буквально переводится как «политика связности»).

Можно говорить о связности экономического пространства, связности научно-технического пространства, связности культурного пространства и т.д. стран, макрорегионов, межгосударственных союзов. Синтез таких частных (проблемных) связностей приводит к понятию *«интегральной связности пространства КТС»*.

¹ В качестве крупных территориальных систем мы рассматриваем межгосударственные объединения и союзы, отдельные страны (в разрезе своих административно-территориальных единиц и макрорегионов) и макрорегионы государств с обширной территорией и с сильными пространственными различиями.

² Так, в перечне из девяти приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации выделено следующее: «Связанность территории Российской Федерации за счет создания интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем, а также занятия и удержания лидерских позиций в создании международных транспортно-логистических систем, освоении и использовании космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики (Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»). – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010007.pdf>

В дальнейшем, если не будет оговорено особо, связность пространства мы будем понимать именно в таком интегральном качестве.

Таким образом, *связность пространства* мы понимаем как степень и эффективность сопряжения, взаимодействия, взаимодополнения и интеграции частей экономического, социального, научно-технического, культурного и этно-национального пространства крупных территориальных систем в разрезе их географических и административно-территориальных единиц, а также как синергию природно-ресурсного и человеческого потенциала регионов, их транспортной доступности и расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий. То есть связность территорий и пространства – это не просто транспортно-инфраструктурное сопряжение регионов. Интегральная связность пространства означает также единство экономических, социальных, научно-технических, экологических, культурных, коммуникационных и т.д. процессов (что часто отождествляется с комплексностью пространственного развития).

Принципиально важно подчеркнуть, что связность пространства и процессы межрегиональной и межстрановой интеграции находятся в неразрывном единстве. Ведь именно интеграция в ее различных ипостасях (экономическая, научно-техническая и т.д.) обеспечивает сопряжение и взаимодействие отдельных частей пространства, а также действующих в них экономических агентов и социальных групп.

В конечном счете связность пространства КТС характеризует *качество этого пространства и эффективность региональной политики*, направленной на совершенствование пространственной организации как отдельных стран, так и крупных макрорегионов мира, оформленных в межгосударственные союзы.

В свою очередь эволюция качества пространства оценивается такими процессами, как конвергенция и дивергенция, характеризующими степень сближения или же расхождения стран в составе межгосударственных союзов, или же отдельных макрорегионов или регионов в составе отдельных государств. В этой же плоскости находятся проблемы межрегиональной дифференциации и межрегиональных диспаритетов.

Интегральная связность пространства и ее метрики могут оцениваться в основном на качественном уровне (сильная – слабая; эффективная – неэффективная), поскольку частные (про-

блемные) связности пространства характеризуются различными индикаторами, рейтингами и т.п., и возникает проблема их сведения в единый интегральный показатель.

Связность пространства стран и макрорегионов формируется не спонтанно. С одной стороны, на нее оказывают влияние естественные природно-климатические и ресурсные факторы и условия составных частей пространства (макрорегионов, регионов, субъектов Федерации). С другой – она является результатом (эффективным или неэффективным) реализации различных управленческих политик государства: региональной, структурной, инвестиционной, социальной, научно-технической, экологической и т.д. Такое воздействие государства (или межгосударственных союзов) на связность их пространства всегда осуществляется «сверху» с использованием соответствующих институциональных условий и структур регулирования пространственного развития. Конечно, составные части экономического и политического пространства стран (их административно-территориальные единицы со своими органами власти и управления) не являются пассивными реципиентами таких внешних воздействий, они также участвуют в реализации государственной региональной политики своими ресурсами и управленческими решениями. Но, тем не менее, решающая роль в реализации «политики сплочения» территорий и пространства всегда принадлежит верхнему уровню государственной власти.

На изменения связности пространства, интеграции его составных частей, позиционирования в нем локальных социумов, безусловно, колоссальное влияние оказывают тенденции научно-технического прогресса и формирование новых технологических укладов, которые приводят к сильным изменениям пространственной организации экономики и общества. «Тирания расстояний», ранее сдерживающая интеграционные взаимодействия и связность экономического и культурного пространства стран и макрорегионов (особенно обладающих обширным пространством), сейчас преодолевается формированием трансграничных и межрегиональных транспортных сетей и коридоров, бурным развитием информатизации и средств телекоммуникации, «взрывным» развитием удаленного труда, дистанционного образования и медицины и т.д.

Учитывая единство связности пространства и протекающих в нем интеграционных процессов, остановимся на генезисе последних. Так, наш анализ показывает, что имеются сильные отличия «Интеграции 1.0» второй половины XX века от «Интеграции 2.0» т.е. первой трети XXI века. И они касаются не только межстрановых процессов, но и процессов межрегиональной интеграции в Сибири (табл. 3).

Таблица 3

Генезис мировых интеграционных процессов

Параметр	Интеграция 1.0 (2-я половина XX в.)	Интеграция 2.0 (1-я треть XXI в.)
1	2	3
Макрорегиональные эпицентры интеграции	Северная Америка, Европа	Азия
Формы и институты интеграции	Международные институты, союзы и блоки: ЕС, НАФТА, СЭВ, СНГ (доминирование Европы и Америки)	Международные институты, союзы и стратегические инициативы ЕС, ЕАЭС, G7, G20, ШОС, «Один пояс – один путь», «Большое Евразийское пространство». Расширение географии интеграции за счет Азии. Смещение акцентов от институционально оформленных блоков и союзов к стратегическим трансграничным инициативам, реализуемых на принципах проектно-программного подхода
Мировая устойчивость и безопасность	Относительная стабильность	Глобальная нестабильность и усиливающаяся турбулентность. Тектонические сдвиги во многих сферах развития цивилизации. Возникновение новых рисков и угроз (техногенных, террористических, киберпространственных, медико-биологических и др.)
Драйверы интеграционных взаимодействий	Экономика и финансы	Высокие технологии. Интеграция в сфере человеческого капитала и сетевых коммуникаций

1	2	3
Сектора экономики – концентраторы интеграционных взаимодействий	Сырьевой и энергетический. Транснациональные высокотехнологические корпорации	Резкое усиление крупнейших торговых онлайн-платформ (Alibaba, Amazon и др.), ритейла, сетевых коммуникационных платформ, искусственного интеллекта, биотехнологий и биофармацевтики. Производство продовольствия
Фактор пространства	Преференциальное положение в интеграционных процессах приграничных и прибрежных регионов.	Барьер расстояний преодолевается прогрессом на транспорте и изменением характера интеграционных процессов, перемещающихся в виртуальное пространство. Срединные регионы становятся полноправными участниками трансграничной интеграции
Устойчивое развитие, роль экологии и защиты окружающей среды	Относительно слабые	Резко усиливающиеся (интеграция в области защиты озонового слоя и регулирования карбонового слоя, регулирования общих водных стоков и т.д.). «Зеленая экономика» становится сильным драйвером трансграничных взаимодействий

Например, сейчас меняются сектора экономики – концентраторы интеграционных взаимодействий. Важное отличие связано с фактором пространства. Если в «Интеграции 1.0» было отчетливо видно особое, преференциальное положение в интеграционных процессах приграничных и прибрежных регионов мира, то в современных условиях барьер расстояний преодолевается прогрессом на транспорте, а интеграционные процессы перемещаются в виртуальное пространство. Срединные регионы становятся полноправными участниками трансграничной интеграции, и именно они могут становиться важными экономическими и научно-технологическими хабами трансграничных взаимодействий. И это особенно важно для Сибири как «срединного региона России».

3.3. Связность пространства Сибири на фоне генезиса развития интеграционных процессов

В общественном сознании (особенно в других странах) Сибирь долгое время воспринималась как нечто мощное и единое, как крупнейшая территория исторической России и Советского Союза с суровым климатом, богатейшими ресурсами и особыми чертами проживающего там населения. Понятия «сибирское свободолобие и непокорность», «сибирское здоровье», «сибирский характер» стали устойчивыми символами, с которыми прочно ассоциировался весь социум Азиатской России. Он исторически формировался за счет первопроходцев, предприимчивых людей и бизнесменов, переселенцев, а также за счет ссыльных, каторжан, узников «Гулага» и энтузиастов, двинувшихся на великие сибирские стройки прошлого века. Все это были неординарные (и во многом – авантюрные) люди, поколения которых вместе с коренными народами востока России по аналогии с Америкой создали здесь собственный «сибирский плавильный котел» нации.

Упомянутые характеристики Сибири и сибиряков были, безусловно, справедливы. Но также было справедливо и то, что раннее общественное сознание, как правило, не переходило на уровень отдельных губерний, краев, областей и республик, которые находились на этой громадной территории, а воспринимало Сибирь как единое целое (повторяем, что долгое время за рубежом под Сибирью понималось все пространство русскоязычной Азиатской России, включая и Дальний Восток).

Однако эти стереотипы общественного сознания в отношении «единой Сибири» в последние десятилетия наталкивались на экономические и социальные реалии. В силу как исторических тенденций и природно-климатических особенностей, так и в результате проводимой экономической политики территории Сибири стали очень сильно различаться по уровням развития, ее экономическое пространство стало дефрагментированным и негомогенным, а межрегиональные взаимодействия существенно сократились¹. Эти тенденции стали серьезным барьером эффектив-

¹ Все это дало основание ряду зарубежных ученых и аналитиков оценивать Сибирь как «балласт» для России и говорить о «сибирском ресурсном проклятье» (см. Раздел 2).

ного развития сибирского макрорегиона, и поэтому не случайно упоминается все чаще значимость усиления «связности» сибирских территорий.

В последнее время стали говорить о необходимости «сшивать» пространство Азиатской России. Так, 23 декабря 2020 г. на совместном заседании Госсовета и Совета по стратегическому развитию и национальным проектам Президент России В.В. Путин заявил, что нужно работать над вопросом соединения удаленных территорий России: «Нам важно "инфраструктурно сшивать" всю нашу огромную территорию»¹.

Попробуем обыграть эти формулировки. Известны портновские секреты как хорошо сшить материю. Главное – это мастерство и умение портного, а также правильные лекала и выкройки. Сшиваемый материал должен быть однородным по качеству (нельзя надежно сшить хорошее сукно с ветхой и дырявой рогожкой). Также нужны качественные нитки в достаточном количестве. И, наконец, последнее: портной ориентируется либо на временный результат, занимаясь «латанием дыр», либо на долгосрочный, создавая крепкий, удобный и надежный продукт своего творчества.

Здесь напрашиваются естественные аналогии: портной – федеральная и региональная власти России; выкройки – программы развития и взаимодействия регионов; сшиваемый материал – регионы России; нитки – транспортно-инфраструктурные и межрегиональные производственные проекты. Используя эти аналогии, отметим, что при «сшивке» экономического и социального пространства Азиатской России наблюдаются колоссальные проблемы:

– общепризнанным является низкое качество государственного управления на федеральном и региональном уровнях;

– в России практически отсутствует эффективная государственная региональная политика. Основной ее программный документ – Стратегия пространственного развития Российской Федерации – не выдерживает критики и не воспринимается ни регионами, ни бизнес-сообществом (Seliverstov et al., 2019). Стратегия социально-экономического развития Сибири на период до 2020 года, утвержденная в 2010 г., также морально устарела (Селиверстов, 2013) и нуждается в кардинальной актуализации;

¹ Совместное заседание Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/64736>

– синергия пространства на Востоке России и его связность недостаточны как по причине слабого развития их материальной основы – современных транспортно-инфраструктурных проектов, так и в силу отсутствия сильной государственной региональной политики и необходимых институциональных условий;

– интеграционные процессы в Азиатской России сейчас очень слабы – как по взаимодействиям Сибири и Дальнего Востока, так и по взаимодействиям северных и южных территорий Сибири (Kuleshov, Seliverstov, 2018);

– существует сильная поляризация регионов Сибири (и Сибирского федерального округа) по уровням экономического и социального развития; экономическое пространство Сибири фрагментировано и неоднородно (Kryukov et al., 2020);

– недостаточно действительно долгосрочных решений по усилению интеграции и связности пространства на Востоке России. Существующие ориентированы либо на достижение внешних эффектов (например, строительство газопровода «Сила Сибири» в Китай при колоссальных проблемах газификации регионов Сибири и Дальнего Востока), либо на достижение текущих результатов;

– развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве тормозилось ориентацией региональных политических и экономических элит на межрегиональную конкуренцию за внимание и ресурсы федерального центра. В результате повышение конкурентоспособности сибирских регионов подменилось их конкурентной борьбой; лоббировалось продвижение инвестиционных проектов, дублирующих существующие проекты и возможности других территорий. Все это сопровождалось отсутствием единства представителей сибирских регионов в Совете Федерации и Государственной Думе в отстаивании общесибирских интересов.

Поэтому можно говорить о дефрагментации экономического, научно-инновационного и политического пространства Сибири и о превалировании центробежных тенденций в экономическом взаимодействии ее регионов над центростремительными. К сожалению, эта тенденция прослеживается и в достаточно прогрессивных документах последнего времени. Например, в подготовленной в конце 2019 г. Концепции опережающего развития Ангаро-Енисейского макрорегиона (разработка BCG – Boston Consulting Group), сценарии и основные направления развития этого макрорегиона оценивались исключительно с урколокальных (точечных)

позиций, никак не учитывались интересы соседних сибирских территорий, их конкурентные преимущества, возможности межрегиональной кооперации и взаимодействия. Не избежал этого и проект Стратегии социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона на период до 2030 года, подготовленный летом 2021 г. Министерством экономического развития РФ.

Все это говорит о необходимости разработки и реализации новых подходов к стимулированию и поддержке связности территорий Сибири с учетом возможностей, глобальных вызовов и угроз XXI века. И здесь, как мы полагаем, важную роль могут сыграть межрегиональные и межстрановые интеграционные процессы. Сделаем некоторые выводы и комментарии относительно их развития на постсоветском пространстве с проекцией на Сибирь.

1. Интеграционные процессы слабореализуемы в кризисных условиях экономики и общества. Это, в частности, подтвердили наши исследования по проекту «Межрегиональная интеграция как фактор укрепления федерализма в России» Программы РУС-1 Совета Европы, которые были проведены в конце 1990-х годов (Формы и механизмы..., 1999).

2. Бизнес в процессе своего развития и распространения преследует свои локальные интересы, максимизируя прибыль. Интеграция – понятие более высокого порядка. Она основана на поиске и реализации баланса интересов вовлеченных сторон: государств, регионов, бизнес-структур, населения.

3. Любой крупный проект (мегапроект) или стратегическая инициатива в своей основе должны иметь интеграционные начала, реализуя процессы синергии пространства, бизнеса и общества, производства и экологии, науки и технологий. Если этого не происходит, таковой становится частным корпоративным проектом. Например, концепция хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали в советский период не была реализована, и БАМ стал обычной транспортной магистралью. Освоение месторождения нефти и газа на севере Сибири не сопровождалось интеграцией с южными территориями (в том числе по организации производства оборудования и сервисов для нефте- и газодобычи, использовались только импортные закупки и технологии) (Крюков, Крюков, 2019).

4. Интеграция не рождается и не реализуется спонтанно. Она должна основываться на разработке концепций и стратегий и органично включаться в процессы стратегического планирования и

управления на межстрановом, национальном и региональном уровнях (Хикл, 2004; Стратегии..., 2004).

5. Возникает вопрос: как организовать интеграцию «сильного» со «слабым» (например, насколько паритетным может быть взаимодействие сильных и мощно развивающихся провинций Северо-Востока Китая и прилегающих территорий Дальнего Востока; экономически развитого Красноярского края и граничащей с ней депрессивной Республикой Тыва в Сибири и т.д.).

6. В «Интеграции 2.0» могут возникать новые ее формы, механизмы и институты, ранее не встречавшиеся. Например, создание межгосударственных городских агломераций типа «Благовещенск (Россия) – Хэйхэ (Китай)».

7. Интеграция – это не просто лозунги и заявления лидеров стран или регионов о дружбе и сотрудничестве. В ее основе лежат конкретные проекты и встроенные механизмы, учитывающие реализацию совместных интересов. Например, в рамках «Интеграции 2.0» Президент России В.В. Путин в 2015 г. выдвинул инициативу «Большого Евразийского партнерства». Двумя годами ранее лидер КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую инициативу «Один пояс – один путь». И если в первом случае дело не пошло дальше политических заявлений лидеров многих стран о присоединении к такому партнерству, то китайская инициатива бурно развивается в виде крупномасштабного финансирования, реализации конкретных транспортных коридоров, создания совместных межстрановых зон сотрудничества (рис. 1). Очевидно, что в сочетании с проводимой ею политикой «мягкой силы» это будет способствовать не только усилению связности евразийского пространства, но и существенному укреплению в нем позиционирования КНР.

8. Интеграция и повышение связности пространства России и Сибири не могут быть реализованы в рамках политики «поляризованного» регионального развития (будь то ориентация на приоритетную поддержку «регионов локомотивов» периода зарождения региональной политики постсоветской России в 1990-е годы, или же современная нацеленность на крупнейшие городские агломерации как эпицентры экономического роста в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года). Не существует (по крайней мере, в России) реальных механизмов диффузии экономического роста от развитых к сопредельным депрессивным территориям.

1. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций предоставил займы на сумму 1,7 млрд долл. для девяти проектов в странах-участницах мегапроекта «Один пояс – один путь», а Фонд Шелкового пути инвестировал 4 млрд долл. В финансовый холдинг «16+1» с участием Китая и стран Центральной и Восточной Европы.
2. В 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что Китай увеличит финансовую поддержку стратегической инициативы «Один пояс – один путь» и выделит дополнительно 14,5 млрд долл. В Фонд Шелкового пути. Два китайских банка предоставят еще 55 млрд долл. В виде займов на развитие этой инициативы. Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк предоставят специальные ссуды на сумму 40,0 и 20,8 млрд долл.
3. Только в 2015 г. общий масштаб инфраструктурных проектов в составе «Одного пояса – одного пути» достиг 1,04 трлн юаней (166 млрд долл.).
4. В рамках экономического коридора «Азия – Западная Азия» количество китайско-европейских грузовых поездов к 2020 г. достигло 12,4 тыс. (ежегодный рост в 50%), которые перевезли 1,135 млн вагонов.
5. Ожидается, что китайские компании в ареале «Одного пояса – одного пути» сформируют 46 зон сотрудничества.

Рис. 1. Стратегическая инициатива «Один пояс – один путь»: цифры и факты

Источник: данные директора Исследовательского центра «Пояс и Путь» Академии общественных наук КНР, профессора Ли Юнцюаня (Ли Юнцюань, 2021).

Рассмотрим далее некоторые направления усиления связности сибирского пространства, а так же интеграционных взаимодействий территорий и отраслей Сибири. При этом мы будем учитывать отмеченную выше специфику и генезис современных интеграционных процессов.

3.4. Макрорайонирование Сибири: политическая vs экономическая география

Рассматривая проблемы связности сибирского экономического, научно-технического, инфраструктурного и социально-культурного пространства, мы оперируем понятиями «Сибирь», «Большая Сибирь», сибирский макрорегион, а не ограничиваемся рассмотрением ее административно-территориальных единиц – краев, областей, национальных республик и автономных округов.

Но в таком случае следует дать ответ на два важных вопроса:

– существует ли внутренняя, имманентная потребность в формировании и развитии «Большой Сибири», или же можно ограничиться ее существующими административно-территориальными единицами?

– существует ли потребность и необходимость в регулировании этих процессов и нужны ли для этого соответствующие институциональные структуры и условия?

На оба эти вопроса следует ответить положительно. *Во-первых*, многие инвестиционные проекты, реализуемые на территории Сибири, имеют четко выраженный межрегиональный характер (особенно инфраструктурные), и это требует соответствующих управленческих решений не только на национальном и региональном уровне, но и на межрегиональном. Рассмотрение единого экономического пространства Сибири позволяет решать проблему формирования крупного макрорегионального рынка и выработать новые экономические взаимосвязи, ориентированные как на создание новой продукции и предоставление более широкого комплекса услуг, так и на организацию межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости (которые трудно реализовать в рамках одного субъекта Федерации). Это, в свою очередь, может повысить конкурентоспособность сибир-

ской продукции при выходе на внешние рынки стран Северо-Восточной и Центральной Азии, а также ее поставок европейским потребителям.

Во-вторых, с учетом удаленности Сибири от развитых экономических и культурных центров страны, ее суровых природно-климатических условий и т.д., требуется проведение на ее территории и в пределах ее макрорегионов и широтных зон регионально-дифференцированной экономической и социальной политики. Такая политика со стороны федерального Центра не может «подстраиваться» под каждый сибирский субъект Федерации, а должна реализовываться на межрегиональном уровне.

В-третьих, дело не только в повсеместном и устоявшемся восприятии Сибири как единого и целостного макрорегиона России, одного из ее основных мировых «брендов». Это определяется самой природой и экономико-географическим положением Сибири как *срединного региона России*, выполняющего интеграционные функции между ее освоенной западной частью и обширными пространствами российского Дальнего Востока.

Это хорошо понимали наши предшественники. Так, еще в 1915 г. известный российский географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский доказывал ключевое место Азиатской России в процессе «сосредоточения» страны. Он отмечал, что Восток России – это не только выход к Великому океану, но и обеспечение связанности экономического пространства страны (Семенов-Тянь-Шанский, 2015). И здесь он особо выделял роль Западной Сибири (рис. 2).

Эта идея, но уже с современных геополитических и геоэкономических позиций, была развита академиком РАН В.В. Кулешовым (Kuleshov, Seliverstov, 2018), где он особо обозначил функции Южно-Сибирского макрорегиона (рис. 3). Им было показано, что в условиях глобальной нестабильности и турбулентности этот макрорегион может рассматриваться в качестве важнейшего стратегического территориального резерва России, в котором минимизированы политические, социальные, экологические, демографические и этнические риски. И в таком своем качестве он представляет особый интерес и для евразийской интеграции, и как ключевое, интегрирующее «ядро» сибирской связности.

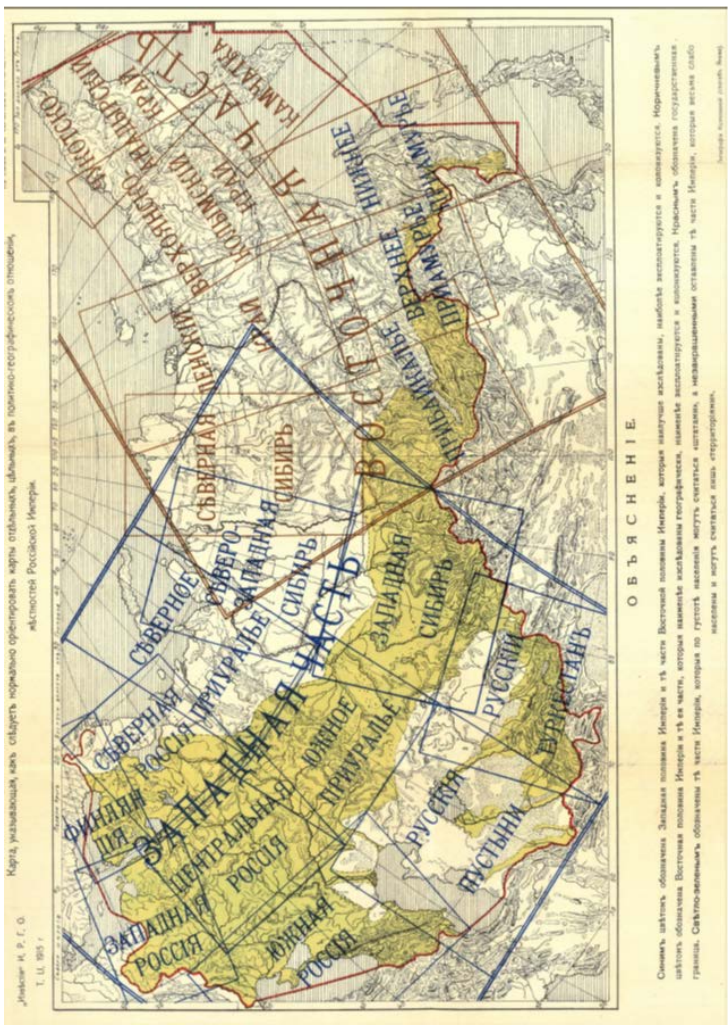

Рис. 2. Макрорайонирование дореволюционной России

Источник: тематическая карта составлена В.П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Есть все основания полагать, что именно в Южно-Сибирском макрорегионе ныне формируется новый важный центр экономической активности Российской Федерации. Он ориентирован на развитие новой высокотехнологичной экономики, сферы услуг и эффективного сельского хозяйства, продукция которого становится наряду с сибирским сырьем и топливом важнейшим стратегическим ресурсом страны.

В разные периоды государственного строительства – в Российской Империи, СССР и современной России – делались попытки придания субъектности Сибири, в том числе путем сочетания единиц административно-территориального деления страны с макрорегионами, объединяющими несколько губерний, областей и т.д.

Так, в царской России это осуществлялось путем создания на территории Сибири генерал-губернаторств, главы которых осуществляли контрольные функции применительно к входившим в их состав губерниями, краям и областям, но напрямую не руководившие ими. В 1803 г. было образовано Сибирское генерал-губернаторство в составе Иркутской и Тобольской губерний и Камчатской области, просуществовавшее до 1822 г. В дальнейшем появились Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства (до 1882 г. и 1884 г. соответственно), преобразованные позже с изменениями границ в Иркутское и Степное (ликвидированы в 1917 г. и 1918 г.). Следует подчеркнуть, что генерал-губернаторства, так же, как и губернии, являлись административно-территориальными единицами России.

Уже с первых лет существования нового советского государства происходили регулярные изменения административно-территориального деления восточных регионов страны; в Сибири существовали как административные районы, так и макрорегионы. На макрорегиональном уровне до 1930 г. действовал Сибирский край, преобразованный позже в Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Все они являлись административно-территориальными единицами СССР.

Окончательное административно-территориальное деление Сибири с образованием краев, областей, национальных республик и автономных районов произошло в предвоенный период. Именно тогда был сформирован территориальный каркас Сибири в разрезе субъектов Федерации, который существует до настоящего

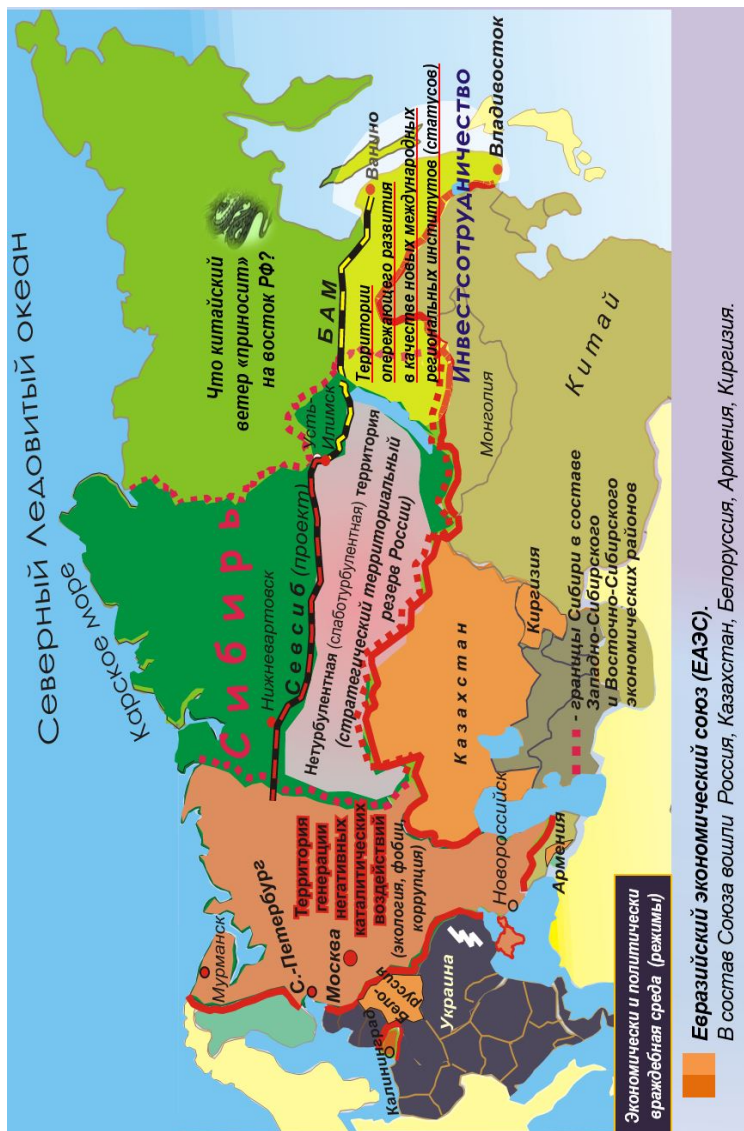

Рис. 3 Геополитическая турбулентность и проблемное зонирование России
 Источник: тематическая карта составлена академиком РАН В.В. Кулешовым.

времени (в годы войны и позже в нем происходили лишь небольшие изменения). Однако с того времени ни один из сибирских макрорегионов не стал административно-территориальной единицей страны, и это (в отличие от предшествующих периодов развития) явилось началом процесса потери субъектности Сибири как крупнейшего макрорегиона.

И СССР, и современная Россия имели другие типы целевого территориального деления на макрорегионы (экономические районы, военные округа, федеральные округа, часовые зоны и др.), которые затрагивают и Сибирь. Для целей нашего анализа особый интерес представляют экономические районы и федеральные округа.

Экономические районы, созданные в послевоенное время в экономических, статистических и прогнозно-аналитических целях, были построены на основе четкого экономико-географического зонирования страны, которое с учетом природно-климатических, исторических, экономических факторов и условий выделило в рамках Сибири два экономических района – Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. Такое деление было абсолютным и естественным, и оно реализовывало не только статистические и прогнозно-аналитические функции, но и фактически являлось элементом государственного планирования и управления на национальном и межрегиональном уровне. Для этих целей использовался, в том числе, аппарат уполномоченных Госплана СССР по этим экономическим районам.

Федеральные округа Российской Федерации были созданы в соответствии с Указом Президента России В.В. Путина № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 г. На территории Сибири был создан Сибирский федеральный округ (СФО). Казалось бы, самым естественным было его формирование в составе Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов, но здесь экономическая география потерпела поражение от географии политической. Исконно относившаяся к Сибири Тюменская область с двумя автономными округами была включена в состав Уральского федерального округа.

Это была серьезная брешь в формировании единого экономического пространства Сибири и ее связности. Другая прореха образовалась в 2018 г., когда Указом Президента РФ другие исконно

сибирские регионы – Республика Бурятия и Забайкальский край – были исключены из состава Сибирского федерального округа и переданы в состав Дальневосточного.

Не исключено, что тренд на «дробление» Большой Сибири продолжится. Так, может произойти разделение СФО на два новых федеральных округа – Южно-Сибирский и Ангаро-Енисейский.

Подобная территориально-политическая «вживисекция» не столь безобидна. Она имеет самое непосредственное отношение к позиционированию Сибири в едином экономическом пространстве России и к реализуемой государственной региональной, инвестиционной и социальной политике с ее системой территориальных предпочтений и особых режимов хозяйствования для избранных территорий. «Дробление» и «сжатие» Сибири в конечном итоге сказывалось на связности сибирского пространства.

Мы считаем, что в России с ее громадной территорией и чрезвычайно большим количеством субъектов Федерации (85 единиц), существенно различающихся по уровням социально-экономического развития, по природно-климатическим и ресурсным условиям, необходим перенос части функций государственного управления на межрегиональный уровень. И это особенно актуально для макрорегионов азиатской России. Недостаточность существующей ныне системы государственного регулирования на уровне Сибири и ее макрорегионов определяется тем, что Полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе осуществляет в основном контрольные функции по отношению к губернаторам и органам управления соответствующих субъектов Федерации, расположенных на его территории. То есть его полномочия аналогичны полномочиям сибирских генерал-губернаторов XIX века, функции которых сводились к тому, чтобы быть «государевым оком» в громадной Сибири. Полпред Президента РФ не имеет финансовых возможностей воздействовать на реализацию в округе различных управленческих политик (социально-экономической, инвестиционной, экологической и т.д.), ограничиваясь лишь проведением различного рода совещаний.

В 2021 г. было принято решение о том, чтобы каждый федеральный округ курировался одним из вице-премьеров РФ; куратором Сибирского федерального округа стала В.В. Абрамченко. Тем самым было оформлено своеобразное распределение обязанностей

в системе вертикали государственной власти: полпред Президента РФ в СФО курирует политические и кадровые вопросы, профильный вице-премьер – экономические, социальные и экологические.

Все эти процессы происходят на фоне того, что современная система государственного управления в Российской Федерации страдает своей излишней «государственностью». Наука, экспертное и бизнес-сообщество, неправительственные организации недостаточно привлечены к обсуждению и экспертизе стратегических и тактических вопросов развития крупных территорий страны. В этом контексте представляют интерес формальные и неформальные институты межрегиональной интеграции в Сибири, среди которых выделяется Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» (МАСС).

Хотя ассоциативные межрегиональные структуры существуют и в других государствах (например, ассоциация законодательных органов западных штатов в Америке, советы губернаторов в Канаде и т.д.), но только в России межрегиональные ассоциации тридцать лет назад были созданы как форма сотрудничества и взаимодействия законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации при решении общих экономических и социальных проблем на крупных территориях страны, обладающих схожими условиями развития. Всего в Российской Федерации было создано восемь таких ассоциаций, и самой успешной из них оказалось именно «Сибирское соглашение», в которое вошли все регионы Западной и Восточной Сибири (в том числе Тюменская область).

Чтобы МАСС не превратилась в аморфный «клуб губернаторов», была избрана трехзвенная система работы. На верхнем уровне был создан высший орган – Совет ассоциации, куда по должности входили руководители законодательных и исполнительных органов всех субъектов Федерации, включенных в состав данной межрегиональной ассоциации. Текущая деятельность МАСС регулировалась ее исполнительным комитетом с постоянным штатом сотрудников. И, наконец, наиболее важная часть работы выполнялась координационными советами МАСС. В структуре «Сибирского соглашения» были созданы советы по экономической политике, финансам и инвестициям, по промышленной и научно-технической политике, по правотворчеству и т.д. (всего – 22 совета).

В их состав входили руководители регионов, ученые, представители бизнеса и общественных структур.

Важно отметить, что межрегиональные ассоциации в начале 1990-х годов были созданы как общественные, а не государственные организации. Это была инициатива снизу, рожденная суровым временем перестройки и кризиса, но она не вписывалась в стандартные схемы государственного управления в России. С определенной долей условности можно назвать эти ассоциации элементами и нового гражданского общества в России, и э регионального самоуправления, поднятого на более высокий уровень.

На наш взгляд, главное, что удалось сделать «Сибирскому соглашению» в данный период – это заставить федеральный центр учитывать позицию сибирских регионов. Конечно, в условиях отсутствия осознанной государственной региональной политики и необходимых материально-финансовых ресурсов не все эти попытки были успешными. Но очевидно и другое: изолированные действия субъектов Федерации, расположенных на территории Сибири, вряд ли привели бы к корректировкам федеральных законов, к изменению «правил игры» в системе межбюджетных отношений, методик расчета трансфертов, изменению тарифной политики и т.д. В эти годы стало практикой участие федеральных руководителей высокого ранга (Председатель Правительства, его первые заместители, федеральные министры) на заседаниях совета МАСС. При премьерах Е.М. Примакове и С.В. Степашине председатели советов межрегиональных ассоциаций включались в состав Президиума Правительства РФ.

Безусловно, что серьезные негативные изменения в деятельности межрегиональных ассоциаций стали происходить в ходе создания в 2000 г. Федеральных округов и Полномочных представителей Президента РФ. Не во всех из них удалось организовать эффективный тандем «институты Полпреда – Межрегиональные ассоциации» и большинство ассоциаций прекратили свое существование. Пожалуй, только в Сибири и на Дальнем Востоке они продолжают работать с разной степенью эффективности в сотрудничестве с аппаратами Полномочных представителей Президента РФ.

Мы считаем, что созданное в критические годы экономического и политического кризиса в постсоветской России «Сибирское соглашение» выполнило свою миссию. Но в современных условиях

необходима смена парадигмы: от межрегионального сотрудничества ради выживания к межрегиональной интеграции в интересах развития. Созданная снизу для решения острейших проблем сибирских регионов в кризисных условиях, эта ассоциация должна выйти на другую траекторию развития: мобилизации региональных управленческих и бизнес-элит, представителей науки, институтов гражданского общества для решения конкретных задач экономической, культурной, информационной и интеллектуальной интеграции сибирских регионов в условиях новых вызовов и угроз XXI века.

Пока же сосуществование двух векторов – вертикали государственной власти (с передачей части функций государственного управления и контроля на межрегиональный уровень) и горизонтальных связей субъектов Федерации (опосредованных, например, деятельностью межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия) – реализуется с явным перевесом в пользу первого. И это не способствует усилению связности сибирского пространства. Для укрепления горизонтальных социально-экономических связей между регионами и отраслями Сибири в современных условиях целесообразно усиление деятельности других ассоциативных форм и институтов и, в первую очередь, межрегиональных ассоциаций сибирских товаропроизводителей, ряд из которых работают достаточно успешно.

В продвижении и развитии имиджа Сибири как единого целого не следует недооценивать и общественные инициативы «снизу». Так, есть успешный опыт общественного движения «Я – сибиряк!» («I'm Siberian»), который с помощью социальных сетей и сайта¹ объединяет тысячи сибиряков и гостей региона, продвигая бренд Сибири, сибирские товары и сувениры и т.д.

3.5. Сибирь в «восточном векторе» развития России и в трансграничных взаимодействиях на Азиатском континенте

Реализация установки на подъем Сибири и Дальнего Востока как главного стратегического приоритета России не может происходить равномерно по всей огромной территории востока страны, здесь должны выделяться особые зоны концентрации внимания государства и его инвестиционной политики. В азиатской России

¹ URL: <https://imsiberian.com>

реализуются три вектора пространственного развития восточных районов:

- «северный вектор» – Север и Арктика как зона особых стратегических интересов России;
- «восточный вектор» – Дальний Восток и часть Восточной Сибири как географический ареал обозначенных в последний год пространственных приоритетов государства;
- «центрально-сибирский вектор» – развитие Южно-Сибирского и Центрально-Сибирского мезорегиона как основа новой индустриализации востока страны.

В самой Сибири выделяются три вектора реализации интеграционных процессов: внутрорегиональный, межрегиональный и трансграничный (рис. 4), которые характеризуют ее позиционирование в российском и мировом экономическом пространстве.

Рассмотрим возможности и перспективы усиления интеграционных процессов и связности пространства Сибири по этим векторам.

Понятие «Восточный вектор развития России» стало интенсивно использоваться начиная с 2014–2015 гг. после начала конфронтационных действий западных стран по отношению к России, обусловленных вхождением Крыма в состав РФ. Введение санкционных ограничений, резкое падение товарооборота с европейскими странами, США, Канадой и т.д., сворачивание ими контактов во многих сферах переориентировало Россию на международное взаимодействие со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и, в первую очередь – с Китаем.

Другим триггером стал давно ожидаемый поворот на восток в пространственной политике постсоветской России, который впервые был обозначен Президентом РФ В.В. Путиным в декабре 2013 г.: «Подчеркну, ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких как подъем Сибири и Дальнего Востока». Он отметил: «Это наш национальный приоритет на весь XXI век», а «...задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабам»¹. Именно тогда были провозглашены налоговые льготы,

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. 13 декабря 2013 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>

1. Внутрорегиональный вектор: интеграционные связи сибирских регионов, особенно северных и южных территорий
2. Межрегиональный вектор: интеграционные связи Сибири с регионами Европейской части России и с регионами Дальнего Востока
3. Межстрановой вектор: трансграничные взаимодействия Сибири с зарубежными странами, особенно со странами Северо-Восточной и Центральной Азии

Усиливают
связность
Российского
пространства

Усиливает
позиционирование Сибири в
мировой экономике

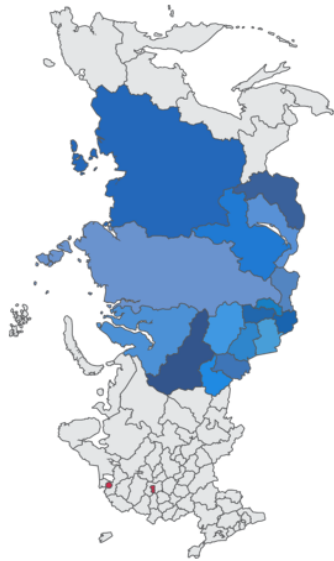

Рис. 4. Сибирь в контексте интеграционных процессов: три вектора развития

которые должны распространяться на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также создание там территорий опережающего экономического развития с особыми преференциальными условиями.

«Восточный вектор» следует рассматривать в двух «ипостасях»: как элемент пространственной политики Российской Федерации (в советский период для этого использовался термин «поворот на Восток»), и как важнейшее направление трансграничных взаимодействий России в современных условиях глобальной нестабильности и турбулентности. Здесь возникает вопрос: каково позиционирование Сибири и ее макрорегионов в этих двух направлениях?

Реальное положение Сибири в пространственной политике Российской Федерации оказалось весьма далеким от оптимистичных ожиданий. Хотя по своему ресурсному, экономическому и научно-технологическому потенциалу Сибирь и Сибирский федеральный округ (в своих исходных границах) существенно превосходят Дальний Восток и Дальневосточный федеральный округ, Сибирь оказалась фактически исключена из «восточного вектора» пространственного развития страны. В нем стала превалировать поддержка государством только дальневосточных проектов и стратегических инициатив. Все обещанные льготные режимы хозяйственной деятельности распространялись преимущественно на дальневосточные территории опережающего развития (ТОР), в которых был установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности. Всего на Востоке было создано 23 такие зоны, из них 19 – на Дальнем Востоке и 4 – в Восточной Сибири.

Для государственно-институциональной поддержки «восточного вектора» были созданы федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики и Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. В 2020 г. был принят Указ Президента РФ от 26.06.2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». Всего за последние годы для развития экономики и социальной сферы на Дальнем Востоке принято более 40 федеральных законов и 191 постановление. Громадные государственные ресурсы вкладываются, например, в развитие Владивостока, острова «Русский» и Дальневосточного федерального университета с иллюзиями, что здесь может возникнуть «Дальневосточный Сингапур».

Однако Сибирь фактически осталась «за бортом» этих преобразований. Сибирь и Дальний Восток оказались искусственно разделены в системе государственных приоритетов, хотя мы считаем, что к этим макрорегионам должна применяться единая государственная политика. Это определяется как схожестью условий их развития (удаленность от экономических и культурных центров наиболее развитой европейской части страны; наличие уникальных месторождений полезных ископаемых мировой значимости; суровые природно-климатические условия), так и недопущением «обезлюдения» колоссальных пространств Азиатской России, являющихся стратегическим пространственным ресурсом.

Поэтому мы считаем, что в современных условиях необходимо не разъединение экономического и нормативно-правового пространства Сибири и Дальнего Востока, а наоборот, их интеграция с целью создания единого сибирско-дальневосточного блока модернизации Азиатской России. Необходимо сконцентрировать усилия по формированию на территории Востока России единого экономического пространства, работающего на внутрироссийский рынок, на использование резервов по усилению сибирско-дальневосточных интеграционных связей. Для этих целей нужна разработка и принятие федерального закона «О государственной политике в отношении Сибири и Дальнего Востока».

Нереально рассчитывать на успех встраивания Сибири и Дальнего Востока в трансграничные взаимодействия, пока не налажены эффективные внутрироссийские интеграционные взаимосвязи. Поэтому иллюзорно рассчитывать, что, например, Дальний Восток спасет односторонняя ориентация на интеграцию со странами АТР (на что сейчас делается основная ставка). Равно как и бессмысленно надеяться на приток зарубежных инвесторов в Россию, пока не созданы нормальные условия инвестирования для российских компаний.

Масштаб отечественных и зарубежных инвестиций в развитие Дальнего Востока впечатляет, однако отдача от них пока не слишком значительна; в целом не достигнуты серьезные результаты и от функционирования дальневосточных ТОР, хотя ряд из них имеет очень сильные перспективы развития. В планах государства – развитие несырьевых производств на восточных рубежах страны, что соответствует курсу на модернизацию экономики

России и снижению ее зависимости от сырьевой ориентации. Однако здесь нужно быть реалистами. Серьезным барьером для такого пути является дефицит квалифицированных кадров в дальневосточных районах, для ликвидации которого требуются неординарные меры государственной поддержки. Реализация программы «Дальневосточный гектар» с целью привлечения населения на Дальний Восток не дала существенных результатов.

Таким образом, мы полагаем, что в «восточном векторе» пространственного развития страны настала пора сместить государственные приоритеты и на Сибирь, не ограничиваясь только Дальним Востоком. В первую очередь следует обратить особое внимание на Южную и Центральную Сибирь, которые также нуждаются в сильной государственной поддержке с целью создания здесь нового мощного центра экономической активности и «ядра» новой индустриализации Востока России.

В последние годы здесь стали происходить первые позитивные изменения. Так, на заседании Петербургского международного экономического форума 7 июня 2019 г. В.В. Путин сказал: «Не раз в своей истории Россия осуществляла масштабные проекты пространственного развития, которые становились символами глубоких и динамичных изменений страны, её движения вперед. Такие комплексные проекты реализуются и в наши дни на юге России, на Дальнем Востоке, в Арктике. Сегодня нам нужно подумать и о подъеме обширных территорий Центральной и Восточной Сибири, подготовить и хорошо просчитать, согласовать план развития. ...Освоение пространств в Центральной и Восточной Сибири, и не как сырьевой базы, а как научно промышленного центра, должно сделать этот регион связующим звеном между европейской частью России и Дальним Востоком, между рынками Китая, стран АТР, Европы, включая Восточную Европу, должно привлечь сюда свежие, хорошо подготовленные трудовые ресурсы»¹. Все это было сказано в присутствии Председателя КНР Си Цзиньпина, и это тоже говорит о многом.

То есть российский лидер ясно дал понять, что регионы Центральной и Восточной Сибири и ее человеческий потенциал, с одной стороны, должны существенно укрепить потенциал «вос-

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>

точного вектора» в его китайском направлении, с другой – что перспективное развитие этих регионов должно осуществляться путем перехода на инновационный путь развития и создания на этих территориях мощных научно-промышленных центров.

О том, что начинается постепенное движение в этом направлении, говорит федеральная поддержка Новосибирского и Томского научных центров как территорий с высокой концентрацией исследований и разработок, Программы «Академгородок 2.0», включение Новосибирского и Томского государственных университетов в федеральную программу «Приоритет–2030». Другой симптом – это усиление внимания власти к стратегической инициативе Красноярского края «Енисейская Сибирь», которая реализуется в форме комплексного инвестиционного проекта; разработка «Стратегии социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона на период до 2035 года».

Перейдем теперь к трансграничной направленности «восточного вектора» и его возможной «стыковке» со стратегической инициативой «Один пояс – один путь», выдвинутой КНР и поддержанной руководством России. Хотя в силу географической близости к странам АТР Дальний Восток является естественным преференциальным партнером стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, роль Сибири в восточном векторе трансграничных взаимодействий также может быть очень серьезной. И не только за счет существующих сейчас поставок энергоресурсов (нефть, газ, уголь), леса и лесопроизводства, минеральных ресурсов по восточному экспорту, но и в рамках трансграничных научно-технических взаимодействий и поставок продукции высокотехнологических производств и продуктов глубокой (не менее 4–5 переделов) переработки сырья и топлива. Как отмечалось выше, в рамках «Интеграции 2.0» срединные регионы азиатской России становятся полноправными участниками трансграничной интеграции, и потому регионы Сибири могут становиться важными экономическими и научно-технологическими хабами трансграничных взаимодействий.

Сибирь и Дальний Восток объединяют общие проблемы в реализации трансграничного «восточного вектора». Наш анализ показывает, что Российская Федерация недостаточно использует значительный потенциал интеграционных взаимодействий на вос-

точных рубежах. Хотя в современных условиях трансграничный «восточный вектор» признан важнейшим направлением развития России и ее межгосударственных взаимодействий, его практическая реализация сопряжена с серьезными проблемами, вызовами и угрозами (Пармон и др., 2020).

Так, пока не осуществлен переход от концепции роста торгово-экономических связей России и КНР (реализуемых в экспортно-импортных потоках) к концепции укрепления экономических взаимодействий по самому широкому фронту (совместные инвестиционные проекты, программы приграничного сотрудничества и т.д.). Товарооборот между Россией и Китаем в 2018 г. превысил 110 млрд долл. Однако сложившаяся и ожидаемая с учетом подписанных договоренностей структура торгово-экономических связей Китая и России вряд ли может быть признана оптимальной с позиции российских интересов. Основная масса продукции, поставляемой из России в КНР – это топливо и сырье (нефть, природный газ, руда, металлы, лес), в обратном направлении осуществляются поставки готовой продукции. Новые транспортные коридоры в рамках паневразийской транспортной системы «Новый шелковый путь», реализуемой Китаем, практически минуют российское пространство и создают сильную конкуренцию России как «моста» между Западной Европой и странами АТР.

На востоке России слабо развивается приграничное сотрудничество; программы научно-технического взаимодействия России с КНР, Японией, Южной Кореей, Тайванем реализуются недостаточно эффективно и не в полной мере используют потенциал Сибирского и Дальневосточного отделений РАН. Российская Федерация со всей очевидностью уступает Китаю ключевую роль во взаимодействиях со своим стратегическим партнером – Монголией. Большие неиспользованные резервы существуют и в южном «подбрюшье» Азиатской России, особенно во взаимодействиях сибирских регионов с Казахстаном и Киргизией.

Участие России в реализации стратегической инициативы «Один пояс – один путь» осуществляется в формате «догоняющего развития» за масштабными внешнеполитическими и экономическими акциями Китая. При этом, с одной стороны, практически отсутствует политика сопряжения этой стратегической инициативы с программой развития Евразийского экономического союза,

с другой, оценки показывают, что ее реализация будет иметь весьма слабое воздействие на ускорение развития экономики Сибири и Дальнего Востока.

Отставание в уровнях социально-экономического развития регионов Азиатской России и доминирование их сырьевой ориентации становятся особенно заметны на фоне существенного роста экономического потенциала граничащих с Россией северных и северо-восточных территорий Китая.

Все перечисленное говорит о том, что пока в Российской Федерации отсутствует сильная государственная политика системного экономического, научно-технического и гуманитарного взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии, базирующаяся на научно-обоснованной стратегии. «Восточный вектор» как приоритетное направление пространственного развития и межстрановых взаимодействий России пока не имеет серьезного научного сопровождения, а основные мероприятия и проекты осуществляются как инициатива госкорпораций и вертикально-интегрированных компаний.

На новом этапе трансграничных взаимодействий нужно учитывать следующее. Современные технологические тренды (переход на нетрадиционные источники энергии, водородная энергетика, резкий переход на электромобили и т.д.) и международная нормативно-правовая интеграция в области декарбонизации экономики и защиты озонового слоя ставят серьезные вызовы перед базовыми отраслями специализации Сибири. Поэтому в условиях возрастающих рисков и нестабильности на будущих мировых рынках углеводородов и угля необходимо искать новые ниши для сибирских ресурсов в системе трансграничных интеграционных взаимодействий (редкоземельные металлы, продукты глубокой переработки в нефтегазохимии и углехимии, в лесной промышленности, наукоемкие производства и технологии, где российская и сибирская наука имеет хорошие конкурентные позиции – например, ядерные технологии).

И наконец, говоря об участии Сибири в реализации «восточного вектора» пространственного развития России, одновременно следует активизировать усилия по реализации «южно-азиатского вектора» на основе усиления экономических взаимодействий России со странами Центральной и Средней Азии. Наиболее пер-

спективными направлениями сотрудничества являются интеграционные взаимодействия с граничащими с сибирскими регионами Казахстаном и Монголией, с близлежащей Киргизией, а также с Узбекистаном и Таджикистаном. В силу территориальной близости возможности Сибири здесь более предпочтительны по сравнению как с европейской частью России, так и с российским Дальним Востоком. В советский период такие связи были очень тесными (например, по взаимодействию аграрных комплексов и сельскохозяйственного машиностроения южных регионов Западной Сибири и северных областей Казахстана).

В целом следует сделать вывод, что существуют большие недоиспользованные резервы по участию Сибири в реализации «восточного вектора» пространственного развития России и в ее трансграничных взаимодействиях. И это не способствует укреплению связности ее экономического и научно-технического пространства.

3.6. Межрегиональные проекты – основа связности развития Сибири

Новое качество развития Сибири и повышение связности ее пространства могут быть обеспечены на основе реализации межрегиональных проектов, ориентированных на взаимодействие государства и частных инвесторов в рамках цепочек создания добавленной стоимости. В советский период ярким и эффективным примером был мегапроект развития Урало-Кузнецкого комбината, объединивший ресурсный потенциал и современные по тем временам производства Урала и Западной Сибири на принципах технологического и экономического взаимодополнения.

Сейчас примерами такого рода общесибирских межрегиональных проектов могут стать следующие проекты.

1. Инфраструктурные транспортные проекты, направленные на усиление «связности» сибирского и дальневосточного пространства и выход на сопредельные территории других стран:

– трансграничный проект организации взаимодействия трассы Северного Морского пути с речными водными путями макро-региона;

– строительство Северо-Сибирской железной дороги;

– формирование сети скоростного железнодорожного сообщения, соединяющего научные и индустриальные центры – Новосибирск, Красноярск, Омск, Кемерово, Томск, Барнаул;

– межрегиональный проект возрождения малой авиации в интересах усиления связности территорий Сибири;

– сооружение современной широтной автомобильной дороги, соединяющей Республику Хакасия с Кузбассом и Алтайским краем;

– возобновление строительства железной дороги «Кызыл – Курагино» с возможностью ее продолжения на территорию Китая и Монголии.

2. *Инвестиционный мегапроект «Енисейская Сибирь»* – комплексный инвестиционный проект (КИП), направленный на развитие трех регионов: Красноярского края, Республики Хакасия, Республики Тыва. Основные его цели – активизация социально-экономического развития регионов, повышение их инвестиционной привлекательности, создание новых рабочих мест, рост налоговых поступлений и реальных доходов жителей регионов Енисейской Сибири. Сейчас этот КИП включает 32 инвестиционных проекта с общей заявленной стоимостью свыше 1,9 трлн руб. (до 2027 г.). В число участников КИП включено более 60 компаний, в том числе являющихся лидерами на мировых рынках промышленной продукции.

3. *Межрегиональный проект газификации территорий Сибири.* Один из парадоксов развития Сибири состоит в том, что, обладая крупнейшими в мире месторождениями природного газа и осуществляя его крупномасштабный экспорт в западном и восточном направлении, этот макрорегион до сих пор не обеспечил газификацию собственных территорий. Реализация данного проекта будет иметь важное значение для усиления энергетической связности сибирских регионов и улучшения в них экологической ситуации.

4. *Общесибирские проекты в сфере производства.* Особую значимость имеют проекты формирования устойчивых производственно-технологических связей между предприятиями минерально-сырьевого сектора (расположенными, как правило, в северных и арктических широтах) и предприятиями машиностроения и научно-производственного обеспечения, расположенными в научных и индустриальных центрах Южно-Сибирского

и Ангаро-Енисейского макрорегионов. Сюда же относятся проекты специализированного машиностроения для горнорудного, лесного, аграрного секторов экономики макрорегиона.

Новыми производственными межрегиональными проектами могут также стать:

– межрегиональный проект комплексного использования литий-содержащих рассолов нефтегазовых месторождений Сибири. Одной из схем их использования является утилизация и транспортировка как «попутного» сырья Иркутской нефтяной компанией; производство на их основе чистого лития на Красноярском химическом заводе; использование этого лития для производства литиевых аккумуляторов и батарей для электротранспорта на базе компании «Лиотех» в Новосибирске;

– межрегиональный проект комплексного использования сибирских сапропелей (донных отложений сибирских озер) и продуктов их глубокой переработки в «зеленой экономике» и в социальной сфере регионов Сибири. Уникальные свойства сапропеля для качественного повышения урожайности растениеводства и продуктивности животноводства были известны еще в дореволюционной России. Сейчас экспериментально доказаны новые направления его использования: рекультивация земель и очистка почвы от вредных загрязнений (в том числе тяжелыми металлами), качественное улучшение использования минеральных удобрений в сочетании с сапропелями и т.д.

– проект интеграции сибирских разработчиков и производителей катализаторов с сибирскими нефтеперерабатывающими заводами. Он имеет в своей основе уникальные научные компетенции и разработки Федерального исследовательского центра «Институт катализа» СО РАН, а также потенциал одного из ведущих российских разработчиков и производителей катализаторов – ООО «СКТБ Катализатор» (Новосибирск).

5. *«Реанимация» инициализированных ранее общесибирских межрегиональных проектов*, которые по тем или иным причинам не нашли эффективного развития («Сибирская биотехнологическая инициатива», «Сибирское сельскохозяйственное машиностроение», проект «Сибирские дикоросы» и др.).

6. *Межрегиональные проекты в сфере высоких технологий и «цифровой экономики»*. Здесь примерами могут быть проекты

«Умные города Сибири в системе цифровой экономики», проект «Технет-Сибирь» в рамках Национальной технологической инициативы, а также проект по производству широкого спектра материалов нового типа с использованием одностенных углеродных нанотрубок по технологиям мирового лидера их разработки и производства – научно-производственной компании OcSiAl (Технопарк Новосибирского Академгородка).

Указанный перечень межрегиональных проектов не является исчерпывающим. Он опровергает мнение, что в Сибири в принципе нет проектов такого вида. В то же время все перечисленное – это *потенциальные проекты*, которые еще ждут своей реализации. Безусловно, что их спецификой является достаточно высокая капиталоемкость, поскольку в силу своей целевой направленности – это не локальные проекты, реализуемые в одном из городов или субъектов Российской Федерации, а комплексные межрегиональные стратегические инициативы. Кумулятивные эффекты от них (акселераторы) выходят за рамки отдельных регионов или компаний. Однако не только большой объем инвестиций был причиной того, что эти проекты ранее не реализовывались. Гораздо более веские основания – отсутствие необходимых институциональных условий, требуемых для реализации проектов усиления «связности» территорий и сфер производства Сибири. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

3.7. Сибирская наука и региональные научно-инновационные системы как системообразующие основы интеллектуального и культурного единства Сибири и формирования новых высокотехнологичных кластеров

Реальными системообразующими центрами связности сибирского пространства стала сибирская наука. По своей значимости проект создания в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук СССР может быть приравнен к другим важнейшим мегапроектам сибирского макрорегиона прошлого века – Транссибу, Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу, Байкало-Амурской магистрали, Ангаро-Енисейскому каскаду ГЭС и энергоемких производств на их основе.

В настоящее время Сибирское отделение Российской Академии наук (СО РАН) является крупнейшим интегратором и основным экспертом научно-исследовательских, научно-образовательных, опытно-конструкторских и производственных организаций востока России. Зона его ответственности – 144 НИИ и федеральных исследовательских центров, 170 вузов, более 11 тыс. исследователей, 211 академиков и чл.-корр. РАН. Располагается СО РАН на территории шести областей, трех краев, четырех республик общей площадью 11 млн км². Важно отметить, что в его структуру входят научные центры и институты не только Сибирского, но и Дальневосточного федерального округа – республик Саха (Якутия) и Бурятии, Забайкальского края. Т.е. сибирская наука своим авторитетом и «историей успеха» отстаивала право не следовать за трансформацией федеральных округов, и она продолжает реализовывать свое влияние на всей территории «Большой Сибири». Это очень важно для усиления связности экономического и научно-технологического и образовательного пространства всей Азиатской России.

Не будем рассматривать достижения сибирской науки, которая по многим направлениям является форпостом всей науки России и соответствует лучшим мировым научным стандартам (исследования в области ядерной физики, катализа, генетики и т.д.). Отметим лишь следующие пространственные аспекты развития СО РАН, сделав акцент на формировании эффективных региональных научно-инновационных систем как эпицентров развития новых интеграционных взаимодействий.

1. Со второй половины прошлого века Сибирское отделение РАН накопило большой опыт децентрализации и пространственной организации науки в виде функционирования Новосибирского, Томского, Иркутского, Кемеровского, Омского и Бурятского научных центров (НЦ) СО РАН, а также научных организаций СО РАН в Красноярске, Тюмени, Якутске и в других городах Сибири. Важно, что они осуществляли в том числе научное сопровождение специализированных отраслей экономики этих территорий (Кемеровский НЦ – угля и углехимии; Омский НЦ – нефтехимии и нефтепереработки; Иркутский НЦ – энергетики; Красноярский край – лесной промышленности и лесопромышленного комплекса и т.д.). Более мультидисциплинарными были Новоси-

бирский и Томский научные центры, но и они способствовали развитию профильных отраслей этих регионов и формированию в них новых «точек роста». Таким образом, осуществлялась своеобразная научная интеграция, взаимодополнение и специализация региональных центров сибирской науки, и тем самым она работала на укрепления связности территорий Сибири. Региональные научные центры оформлялись в специализированные пространственные единицы – академгородки (в Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске; наиболее известный из них – Новосибирский Академгородок).

Помимо собственно научных исследований и работы на национальную и региональную экономику и безопасность страны, не менее важен был социальный и гуманитарный эффект развития этих академгородков: их особый интеллектуальный социум, созданный на протяжении нескольких десятилетий, оказал сильное влияние на развитие сибирских городов и регионов и их человеческого потенциала.

2. Одним из важнейших направлений реформы Российской академии наук, начавшейся в 2014 г., стал курс на интеграцию науки, университетов и инновационного бизнеса. Очевидно, что этот процесс имел четкие пространственные контуры и оформился в Сибири в виде региональных научно-инновационных комплексов, на базе которых создавались межрегиональные и региональные инновационные высокотехнологические кластеры. Здесь особо выделилась роль сибирских лидеров – Новосибирской и Томской научно-инновационных систем, которые в 2018 г. вошли в перечень ведущих российских территорий с высокой концентрацией исследований и разработок с особой системой государственной поддержки. Новосибирская и Томская область вошли в Ассоциацию инновационных регионов России, деятельность которой укрепляет связность российского научно-инновационного пространства. С 2019 г. начала реализовываться программа развития Новосибирского научного центра (ННЦ СО РАН) как территории с высокой концентрацией исследований и разработок, также получившая государственную поддержку – «Академгородок 2.0» (Seliverstov, 2020).

3. Другая важная тенденция интеграции науки, университетов и высокотехнологичного бизнеса – это формирование в ре-

гионах Сибири Научно-образовательных центров (НОЦ) и Центров компетенций мирового уровня. Они создаются на базе ведущих сибирских университетов, ряд которых входит в перечень лучших университетов страны. Например, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет в мировом рейтинге QS World University Rankings 2021 г. занимает 246-е место (третье место среди всех российских университетов).

4. Результат продуцирования в конкретном региональном научно-инновационном центре Сибири (например, в новосибирском Академгородке) новых знаний и технологий, новых моделей ведения инновационного бизнеса, взаимодействия науки, образования и производства становится национальным достоянием, может использоваться и тиражироваться также в других регионах и инновационных центрах. В современных условиях развития сетевых форм организации науки и общества, платформ и экосистем бизнеса такие возможности лишь усиливаются. Но еще важнее – человеческий фактор такой политики. Формируемые в научных центрах новые кадры (в первую очередь высококвалифицированная молодежь – студенты, аспиранты, молодые ученые) могут составить костяк команд передовых инновационных компаний в других регионах и городах. Сибирское отделение РАН всегда развивалось по такому принципу: передавало импульсы от своего научного центра (Новосибирский Академгородок) к другим научным и технологическим центрам Сибири. Тем самым осуществлялось (и еще в большем масштабе будет осуществляться) влияние науки и университетов на усиление связности научно-технологического пространства всего сибирского макрорегиона.

4. Выводы и предложения

Мы рассмотрели важные, но не единственные проблемы современного позиционирования Сибири в социально-экономическом пространстве России. Выявив ее основные проблемные области, отметив новое видение значимости пространства Сибири и ее ресурсов, оценив элементы новой Арктической политики в Азиатской России, показав значимость правильного выбора

моделей регионального развития и управления конкретных сибирских территорий, важность укрепления связности пространства Азиатской России и реализации «восточного вектора» пространственного развития страны, необходимо «вписать» эти аспекты в современную повестку глобальных изменений и турбулентности экономического развития и геополитических взаимодействий. В первую очередь следует по-новому оценить роль и значимость тех конкурентных позиций Сибири, на которые ранее делалась особая ставка.

Как было показано выше, сохранится роль природных ресурсов Сибири как материальной основы развития Российской Федерации. Но при этом должны измениться:

- принципы и модели эксплуатации этих ресурсов: переход на высокотехнологичные и наукоемкие технологии, на создание на территории Сибири комплекса производств по их глубокой (не менее 5–7 переделов) переработке; включение сибирских территорий в число основных «выгодополучателей» от добычи и переработки этих ресурсов;

- спектр стратегически важных ресурсов Сибири. Таковым, например, становится крупномасштабное производство продовольствия (особенно экологически чистого), где Сибирь действительно имеет сильные конкурентные позиции.

Должна существенно усилиться и значимость сибирского пространства. Но для этого потребуются повышение его связности и усиление роли Сибири в реализации «восточного вектора» пространственного развития России. Между тем конкурентное преимущество Сибири как «моста» между Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона будет ослаблено за счет реализации крупномасштабного сооружения Китаем новых трансевразийских транспортных коридоров. В этих условиях будет возрастать значимость эффективной организации круглогодичной навигации по Северному морскому пути как новой транспортной артерии, соединяющей европейские страны и страны АТР.

В условиях начала эры «декарбонизации», с одной стороны, усилятся позиции Сибири как обширнейшей территории планеты с большими потенциальными рекреационными ареалами и масштабным лесным покровом, выполняющим функции «легких планеты». С другой – это будет накладывать возможные

ограничения на развитие ряда сибирских производств, на которых ранее основывалось развитие отдельных регионов (Кузбасс), а также требовать соблюдения жестких экологических и природоохранных требований при развитии экономики сибирских территорий.

Иными словами, новые «триггеры» развития Сибири и тенденции в реализации ее конкурентных преимуществ будут осуществляться не автоматически, в каждом из них будут свои «pro» и «contra». И в таких условиях будет требоваться реализация новых управленческих политик и принятие новых стратегических решений на национальном, межрегиональном и региональном уровнях. Их значимость была показана выше на примере сопоставления результативности развития Новосибирской и Кемеровской областей.

Учитывая особенности современной экономики и общества, в Сибири представляется целесообразным:

- ускоренное формирование пространственной агломерации (конурбации) вдоль Транссибирской магистрали с наличием высокоскоростного и эффективного транспортного сообщения; развитие внутрисибирского рынка товаров и услуг производственного характера;

- создание достойных условий ведения бизнеса и жизни сибиряков – необходимы не столько льготы и преференции, сколько система, ориентированная на поощрение и развитие инициативы во всех сферах деятельности; первостепенное значение имеет доступ к природным ресурсам и возможность реализации задуманного;

- стимулирование и регулирование интеграционных процессов в экономике региона, как в широтном, так и меридиональном направлениях (т.е. реализация новых требований и условий локализации при освоении природно-ресурсного потенциала – как в части новых подходов к освоению, так и в области применения уникального отечественного оборудования и технологий); поощрение, развитие и расширение форм пространственной интеграции и кооперации при освоении и использовании природно-ресурсного потенциала региона;

- развитие науки и образования, ориентированных и на решение задач развития макрорегиона и на поддержание и укрепление оборонного потенциала всей страны;

– акцент на инвестиции в человека – в генерацию новых знаний, навыков и умений, а также в создание благоприятных условий жизни и деятельности с учетом местных природных и климатических условий;

– формирование современной пространственной конфигурации экономики Сибири на основе взаимодействия ее регионов в рамках «южного широтного пояса» и сети «меридиональных каркасных звеньев» (таких, например, как «Енисейская Сибирь»);

– переход от «чистого рынка» товаров и продуктов производственного назначения при реализации проектов в ведущих отраслях специализации региона – к рынку пространственно-распределенных производственных и интеллектуальных услуг на основе новых знаний;

– включение процедур принятия решений в контекст гражданско-правового процесса и возврат в «исходное состояние» («операционализация духа») ст. 72 Конституции РФ. Регионы, муниципалитеты должны иметь право голоса (вплоть до права «вето») по решениям в сфере предоставления прав на пользование природными ресурсами.

Необходимыми *условиями усиления связности* сибирского экономического, научно-технического, социального и культурного пространства являются следующие.

1. Качественное усиление внимания к проблемам Сибири в основных программных документах развития страны, в пространственной политике РФ и в реализации «восточного вектора» развития России.

2. Смена парадигмы российского федерализма: переход от конкурентного федерализма к федерализму сотрудничества (по примеру развитых федераций мира, например, ФРГ и Канады).

3. Изменение бизнес-моделей компаний, работающих в Сибири. Российский бизнес должен найти свое место в процессах усиления связности регионов Сибири. Для этого необходимо уйти от узкокорпоративного подхода реализации лишь своих локальных коммерческих интересов, на деле перейти на модель социальной и экологической ответственности бизнеса (ярким примером также является Канада). Ключевая проблема здесь – это формирование сбалансированных (с учетом пространственных особенностей) це-

почек создания добавочной стоимости и распределения получаемых эффектов. Одна из важнейших задач – создание таких процедур и механизмов взаимодействия заинтересованных сторон (федерального Центра, регионов и бизнеса), которые обеспечивали бы синергию усилий тех участников проектов, которые находятся на значительном расстоянии друг от друга.

4. Модернизация стратегического планирования и управления процессами усиления связности территорий Сибири. Для этого требуется:

- качественное усиление взаимодействия руководства сибирских регионов и их представителей в Федеральном Собрании, региональных элит в продвижении общесибирских проектов в высших эшелонах государственной власти;

- при поддержке руководства Сибирского федерального округа и на базе Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и Сибирского отделения РАН необходима «инвентаризация» стратегий, программ, межрегиональных и региональных проектов субъектов Федерации и городов Сибири с целью исключения их дублирования и поддержки наиболее важных стратегических инициатив в интересах усиления связности территорий Сибири;

- постановка актуального вопроса о разработке Программы реиндустриализации (или Программы модернизации) экономики Сибирского федерального округа (или Сибири в целом). При этом в отличие от Стратегии Сибири (которая является документом целеполагания), Программа реиндустриализации (модернизации) ее экономики должна иметь более выраженный прикладной и управленческий характер, нацеленный на реализацию конкретных межрегиональных проектов и стратегических инициатив.

5. Формирование общесибирских финансовых институтов социально-экономического развития Сибири с целью поддержки интеграционных взаимодействий и для повышения связности ее пространства. Так, целесообразно сформировать в Сибирском федеральном округе:

- *Сибирский фонд регионального развития и интеграции* как аналог структурных фондов региональной политики сплочения Европейского сообщества. Его средства могут формироваться в том числе за счет налоговых поступлений компаний, эксплуати-

рующих природные ресурсы Сибири и которые сейчас практически целиком оседают на федеральном уровне, а также за счет целевых государственных поступлений. Средства этого фонда должны расходоваться на реализацию межрегиональных проектов в Сибири (в том числе инфраструктурных), а решения об их расходовании приниматься совместно Правительством РФ и коллегиальным органом, представляющим интересы регионов Сибири (например, Советом Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», в который входят главы правительств рес-публик, администраций краев, областей, автономных округов и председатели законодательных органов власти сибирских территорий);

– *корпорации (агентства) регионального развития* в субъектах Федерации (или в группе субъектов Федерации) как организаций, работающих в треугольнике «власть – бизнес – население» на принципах государственно-частного партнерства.

Эти направления являются необходимыми и взаимосвязанными. Их отсутствие лишь усугубит отмеченные выше проблемы интеграционных взаимодействий и связности сибирского пространства, поскольку связность регионов и синергия природно-ресурсного потенциала, транспортной доступности и расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий в Сибири не осуществляются сами собой, а требуют регулирования и управления в процессе взаимодействий центра, регионов, бизнеса, науки и экспертного сообщества.

Для реализации всех этих целей и задач требуется акцентированный взгляд на Сибирь как на единое целое, в том числе в рамках стратегического планирования и управления национального и межрегионального уровня. Институциональное оформление новой Стратегии развития Сибирского федерального округа в действующей правовой системе возможно в виде государственной программы развития макрорегиона. Отличие данного документа от предыдущей Стратегии должно состоять не только в объединении национальных проектов и государственных программ, долгосрочных планов министерств, корпораций и стратегии развития сибирских регионов, но и в формировании и развитии «процессной составляющей», ориентированной на непрерывное выявление и развитие возможностей экономического взаимодействия в рамках Сибири между разными бизнес-агентами и территориями.

В целом вектор гармонизации отношений «федеральный центр – регионы» на территории Сибири достаточно очевиден и укладывается в формулу четырех «Д»: децентрализация, демополизация, дерегулирование и демократизация. Но их конкретное воплощение требует тщательной проработки и обоснования конкретных направлений и принципов управленческих политик федерального центра, реализуемых на российской территории. Наибольшую значимость они будут приобретать именно для регионов Сибири, которые больше других в силу своей стратегической значимости и особой сложности конфигурации природно-климатических, исторических, геополитических, социально-экономических, ресурсных и иных условий и факторов своего развития нуждаются в новых управленческих технологиях и в новых управленческих политиках центральной и региональной власти.

Литература

Азиатская Россия в геополитической и цивилизованной динамике, XVI–XX века: историческая литература / В.В. Алексеев и др. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

Барыгин И.Н. Международное регионоведение: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2009. – 384 с.

Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды / Сборник статей под редакцией И.С. Мельника. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1908. – С. 190.

Вейнберг Б.П. Положения центра поверхности России от начала княжества Московского до настоящего времени // Известия Императорского Русского Географического Общества. Том LI. Выпуск VI. – 1915. – С. 365–408.

Головачев П. Сибирские вопросы в Государственной Думе // Сибирские Вопросы. – 1906. – № 1. – С. 3–12.

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – М.: Новый хронограф, 2013. – 548 с.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России. Проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Ленанд, 2016. – 264 с.

Имиджи Сибири / Под науч. ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Гренды», 2008. – 356 с.

Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – 2308 с.

КНР: экономика регионов / Отв. ред. А.В. Островский / Сост. П.Б. Каменнов; Институт Дальнего Востока РАН. – М.: МБА, 2015. – 660 с.

Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 132–150.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 479 с.

Колосовский Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. – М.–Л., Государственное социально-экономическое издательство, 1932. – 136 с.

Крюков В.А. Изучение экономики Сибири: преемственность и комплексность // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2. – С. 3–32.

Крюков В.А., Крюков Я.В. Экономика Арктики в современной системе координат // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 25–52.

Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. – 2020(а). – № 5. – С. 46–60.

Крюков В.А., Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю. Кузбасс в новом времени / Отв. ред. В.В. Кулешов, В.Е. Селиверстов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020(б). – 179 с.

Кузнецова О.В. Основы региональной политики: учебное пособие. – М.: Географический факультет МГУ, 2012. – 144 с.

Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 352 с.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 1997. – 372 с.

Ли Юнцюань. Совместная реализация инициативы «Один пояс – один путь» в контексте стыковки стратегий экономического развития Китая и России // Регион: экономика и социология. – 2021. – №2. – С. 211–235.

Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов и др. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 396 с.

Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е. Прошлое, настоящее и будущее Сибири глазами зарубежных ученых и аналитиков // Сибирь в первые десятилетия XXI века / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – Гл. 7. – С. 86–101.

Миллер Г.Ф. История Сибири [в 2 т.] / Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР, Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера им. П.Г. Смидовича, ГУСМП при СНК СССР – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1941.

Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / П.А. Минакир; отв. ред. А.Г. Гранберг; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – М.: Экономика, 2006. – 848 с.

Мир Арктики. В 3-х томах. Том 1. Возможности и ограничения / Под ред. В.А. Крюкова и А.К. Криворотова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2018. – 338 с.

Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года (с изменениями на 26.12.2014). Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2014 года № 1505. – URL: www.pravo.gov.ru (04.01.2015, № 0001201501040032).

Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Трансграничные взаимодействия на востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2. – С. 226–258.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М.: Изд-во «Крымский Мост – 9Д, Форум», 2000. – 412 с.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и период процветания / К. Перес; пер. англ. Ф.В. Маевского. – М.: Дело, 2011. – 232 с.

Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция европейского Северо-Востока, Урала и Сибири / Под ред. В.В. Алексеева, М.К. Бандмана, В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – 356 с.

Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / Отв. ред. В.А. Ламин, В.Ю. Малов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 386 с.

Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.

Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Изд-во ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: 2013. – 435 с.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия Императорского Русского Географического Общества. – 1915. – Том XI. – Вып. VIII. – С. 425–458.

Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / Отв. ред. М.К. Бандман, В.А. Калмык, Б.П. Орлов, З.Р. Цимдина; ИЭОПП СО АН СССР. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1980. – 335 с.

Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1998. – 264 с.

Сибирь: имидж мегарегиона / Под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. – 363 с.

Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знаний / Отв. ред. А.Г. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 760 с.

Синергия пространства: региональные инновационные системы, Сибирь в первые десятилетия XXI века / Отв. ред. В.В. Кулешов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 788 с.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн.1, т. 1/2. – М., 1959. – С. 62–63.

Срничек Н. Капитализм платформ / Ник Срничек; пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. – М.: ИД ВШЭ, 2019. – 128 с.

Стратегии макрорегионов России: Методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. А.Г. Гранберга; Отд-е обществ. наук РАН. – М.: Наука, 2004. – 720 с.

Суслов В.И. Имидж Сибири: экономика с историческим уклоном // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1. – С. 86–103.

Суслов В.И. Сибирь как мегарегион: экономические параметры и стратегии развития / Сибирь как мегарегион: параметры и цели / Под науч. ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. – С. 70–86. – ISBN 978-5-902688-16-7.

Тулохонов А.К. Географическое пространство новой России: о прошлом, настоящем и будущем. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2020. – 352 с.

Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2010. – 283 с.

Формы и механизмы межрегиональной интеграции: учеб. пособие / Под ред. В.Е. Селиверстова. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 1999. – 282 с.

Хикл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 2004. – 360 с.

Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России / Научно-образовательный форум по международным отношениям. – М., 2007. – 328 с.

Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. / Отв. ред. Л.М. Горюшкин; НГУ. – Новосибирск, 1989. – 144 с.

Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации / Ред. кол.: А.Э. Конторович, В.В. Кулешов, В.И. Суслов; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Анкил, 2009. – 317 с.

Экономическая интеграция: пространственный аспект / Общ. ред. П.А. Минакира. Рос. Акад. Наук, Дальневосточное отд-ние. Ин-т экономических исследований. – М.: Экономика, 2004. – 352 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении: иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами / Рис. А.В. Евреинова, Добровольского, фот. Чарушина, А.М. Сибиряковой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. – [XVI], 720 с.

Bachtler J., Mendez C. Cohesion Policy: doing more with less / Policy-Making in the European Union. Ed. Wallace H., Pollack M., Roederer-Rynning C., Young A. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 232–253.

Bradshaw M., Vartapetov K. A New Perspective on Regional Inequalities in Russia // Eurasian Geography and Economics. – 2003. – Vol. 44, No. 6. – P. 403–429.

Buszynski L. Oil and territory in Putin's relations with China and Japan // The Pacific Review. – 2006. – Vol. 19, No. 3. – P. 287–303.

Canada: The State of the Federation 2004. Municipal-Federal-Provincial Relations in Canada / Ed. by Young R. and Leuprecht C. – Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2004. – 406 p.

Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I–III. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996–1998.

Considine J.I., Kerr W.A. The Russian Oil Economy. – Elgar: Edward Publishing, 2002. – 384 p.

Cowell F. Measuring Inequality: Handbook of Economic Inequality. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 241 p.

Dienes L. Observations on the problematic potential of Russian oil and the complexities of Siberia // Eurasian Geography and Economics. – 2004. – Vol. 45, No. 5. – P. 319–345.

European Challenges and Hungarian Responses in Regional Policy / Ed. by Hajdú Z. and Horváth G. – Centre for Regional Studies Hungarian Academy of Sciences, Pécs, 1994. – 517 p.

Federalism, Regionalism and Territory / Ed. by Mangiameli S. – Milano: Giuffrè Editore, 2013. – 389 p.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. – Washington, Brookings Institution Press. – 2003. – 303 p.

Kryukov V.A. Studying the Economy of Siberia: Continuity and Integrity // Regional Research of Russia. – 2019. – Vol. 9, Is. 2. – P. 107–117.

Kryukov V.A., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Formation of Organizational and Economic Mechanisms for the Acceleration of Siberia's Socioeconomic Development // Regional research of Russia. – 2013. – Vol. 3, No. 4. – P. 397–404.

Kryukov V.A., Lavrovskii B.L., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Siberian Development Vector: Based on Cooperation and Interaction // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – Vol. 31, No. 5. – P. 495–504.

Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Role of Siberia in Russia's Spatial Development and Its Positioning in the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation // Regional Research of Russia. – 2018. – Vol. 8, No. 4. – P. 345–353.

Loughlin J. «Europe of the Regions» and the Federalization of Europe // Publius. The Journal of Federalism. – 1996. – Vol. 26, Is. 4. – P. 141–162.

Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2014. – 686 p.

Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic Policy in an Era of Global Instability: Experience and Lessons for Russia // Regional Research of Russia. – 2015. – Vol. 5, Is. 1. – P. 10–22.

Seliverstov V.E. Program for Reindustrialization of the Economy of Novosibirsk Oblast: Main Outcomes of Its Development // Regional Research of Russia. – 2017. – Vol. 7, No 1. – P. 53–61.

Seliverstov V.E. Akademgorodok 2.0 as a Regional Scientific and Innovation Ecosystem: Problems of Formation and Management // Regional Research of Russia. – 2020. – Vol. 10, No. 4. – P. 454–466.

Seliverstov V.E., Melnikova L.V., Kolomak E.A., Kryukov V.A., Suslov V.I., Suslov N.I. Spatial Development Strategy of Russia: Expectations and Realities // Regional Research of Russia. – 2019. – Vol. 9, Is. 2. – P. 155–163.

Shabad T., Mote V.L. Gateway to Siberian resources (the BAM). – Washington, 1977. – 189 p.

Soviet natural resources in the World Economy / R.J. Jensen, T. Shabad, A.W. Wright eds. – Chicago: IL, USA, 1983. – 720 p.

Territorial Cohesion in Europe. Papers of the International Conference for the 70th Anniversary of the Transdanubian Research Institute – Pécs, 2013. – 516 p.

The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems. A Comparative Analysis / Ed. by Lazar H., Telford H. and Watts R. – Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2003. – 371 p.

Thompson N. Migration and Resettlement in Chukotka: A Research Note // *Eurasian Geography and Economics*. – 2004. – Vol. 45, No. 1. – P. 73–81.

Torre A. Proximity relations at the heart of territorial development processes / *Regional development and proximity relations, New Horizons in regional Science*. Eds. Torre A., Wallet F. – London: Edward Elgar, 2014. – 375 p.

Whiting A.S. *Siberian Development and East Asia: Threat or Promise?* – Stanford: Stanford University Press, 1981. – 276 p.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вместо введения. Сибирь как объект исследования в отечественной и зарубежной литературе	3
2. Сибирь: от континентального и ресурсного проклятья к гармонии интересов власти, бизнеса и населения	8
2.1. Движущие силы и особенности развития Сибири в историческом, экономическом, геополитическом и географическом аспектах	8
2.2. Краткий синопсис позиционирования Сибири в российском экономическом пространстве и проблемных вопросов ее развития	20
2.3. Пространство и ресурсы Сибири: «сибирское проклятье» или стратегическое преимущество?	27
2.4. Сибирская Арктика: элементы новой парадигмы развития	43
2.5. Модели развития и системы управления территорий Сибири: case-study Новосибирской и Кемеровской областей	53
3. Сибирь в «восточном векторе» развития России и проблемы связности сибирского пространства	67
3.1. Проблематика «связности» в зарубежной и отечественной литературе	67
3.2. Связность пространства стран и макрорегионов и новые тенденции интеграционных процессов	74
3.3. Связность пространства Сибири на фоне генезиса развития интеграционных процессов	79
3.4. Макрорайонирование Сибири: политическая vs экономическая география	85
3.5. Сибирь в «восточном векторе» развития России и в трансграничных взаимодействиях на Азиатском континенте	94
3.6. Межрегиональные проекты – основа связности развития Сибири	103
3.7. Сибирская наука и региональные научно-инновационные системы как системообразующие основы интеллектуального и культурного единства Сибири и формирования новых высокотехнологических кластеров	106
4. Выводы и предложения	109
Литература	115

Академик РАН Валерий Анатольевич Крюков,
доктор экономических наук Вячеслав Евгеньевич Селиверстов

**ЭКОНОМИКА СИБИРИ:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СИНЕРГИИ
ПРИРОДНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА,
СВЯЗНОСТИ ПРОСТРАНСТВА И ИНТЕРЕСОВ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ**

Препринт

В оформлении использованы рисунки

В.П. Мочалова

Редактор

Ю.С. Воронова

Оформление обложки

В.В. Лысенко, С.А. Дучкова

Подписано к печати 19 января 2022 г.

Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».

Объем п.л. 7,75. Уч.-изд. Л. 7,2. Тираж 150 экз. Заказ № 1.

Издательство ИЭОПП СО РАН

Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.